

РЕКА БУЯНКАЯ

Максим Николаев

Максим Николаев

Река Великая

«Автор»

2023

Николаев М.

Река Великая / М. Николаев — «Автор», 2023

В XVI веке в “Записках о Московии” австрийский дипломат Сигизмунд фон Герберштейн упоминал “как бы пенатов, каких-то змей с четырьмя короткими лапами наподобие ящериц с черным и жирным телом”, которым на Руси люди втайне приносят жертвы. О находке трупа крупной рептилии писал в своем рассказе о путешествии в Россию и коллега Герберштейна, английский посол Джером Горсей. А Псковская вторая летопись за 1582 год сообщает о “коркодилах”, что вышли из реки и “людей много поядоша”. Современные ученые с недоверием относились к свидетельствам из средневековья до тех пор, пока на городском пляже Пскова в купальный сезон не появляются полчища кровожадных чудовищ. На свое усмотрение читатель может прочесть “Реку Великую” как роман-катастрофу, или историческую мистификацию, или мрачную сатиру о человеческом бессилии и вечном возвращении зла.

© Николаев М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Книга первая. Деревня	6
I. Январь	6
II. Февраль	20
III. Март	26
IV. Апрель	34
V. Май	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Максим Николаев

Река Великая

Родителям

В сюжете фигурируют силовые структуры и органы власти РФ, церковные учреждения, объекты псковского культурного наследия, но все персонажи и события вымышлены. Совпадения случайны и маловероятны.

Того же лета изыдоша коркодили лютии зверии из реки и путь затвориша; людей много поядоша. И ужасошася людие и молиша бога по всей земли.

Псковская вторая летопись, год 1582

*Усопише деды и пращуры,
Вы солнце любили, как шкуру лосиную оводы.
На прадедов падали мордами ящеры
И рвали и ели их
(новые к солнцу служения доводы).
Велимир Хлебников*

Книга первая. Деревня

І. Январь

Морозный рисунок из кривых линий и неправильных ромбов на стекле у Парамоновых напоминает скорее произведение художника-абстракциониста, чем пейзаж зимнего леса или фантастического цветочного сада, с коими принято сравнивать сей вид природной живописи. По стеклянному холсту бегут разноцветные огоньки. Красный. Желтый. Зеленый. Синий. Оранжевый. Голубой. Фиолетовый. Снова красный. Вдруг лампочки загораются сразу семью цветами радуги, и в избе, которую, кроме гирлянды, освещает только мерцающий на тумбочке телевизор, становится почти светло.

Из окошка над печкой бабушка глядит в экран, где показывают концерт. Когда поют, это музыкальный концерт, а когда смеются и говорят – юмористический. Здесь и то, и другое. Все, кто выступает, в шапках Дедов Морозов или Санта-Клаусов, как нынче модно.

Елка на сцене – огромная. У Парамоновых в избе поменьше, но тоже ничего: с мишурой, с огоньками, и игрушек больше, чем у них там в телевизоре. Правда, осыпаться начала помаленьку, но зато натуральная, а не пластмассовая, и лесом пахнет.

На рекламной паузе бабушка поворачивает лицо к внуку:

– Ну что, Матюш, добрый подарок Дед Мороз принес?

– Грех жаловаться.

То подбоченясь, то покрутясь, анфас и в профиль, Матвей любит перед трельяжем новым жилетом. Когда он был маленький, на рыбалку ему надевали другой: дутый, оранжевый и без карманов, так что и не положить ничего. А в новом – карманов больше, чем до сколько он быстро считать умеет, и цвет не оранжевый, а маскировочный хаки, чтобы не пугать рыбу. Как настоящий рыбак стал Матвей. Что разгрузка на животе не застегивается, это не беда, главное – по плечам в самый раз.

Бабушке Дед Мороз подарил запчасть для сепаратора, маме – платок, Дашке – джинсы, как она заказывала, и даже размер угадал. Только папе ничего не досталось: до ветру ему нехоти приспичило, а когда вернулся, то волшебного гостя уже и след простыл. Он расстроился, а бабушка, мама и Дашка стали над ним смеяться. Один Матвей не бессердечный в семье: от жалости к отцу даже всплакнул чуток. Пока вчетвером его утешали, пропустили куранты. Уже в первом часу мама с бабушкой за Новый год шампанское пили, и Дашка вместе с ними пила в этот раз. Быстро дети растут.

Утром Матвей встал раньше всех – и сразу за жилеткой. Как только папа проснулся, он стал его на рыбалку уговаривать, но только к вечеру уговорил. День впустую прошел. На улице делать нечего: Никитос болеет, снег не лепится, и дома не лучше: по телевизору – ни одного мультика, одни концерты. Тот, который шел, сейчас как раз закончился, и снова началась реклама, а после рекламы – фильм «Ирония Судьбы». Матвей уже два раза его смотрел, а бабушка – раз сто.

Из сеней с холодом отворилась дверь. Мама вошла в избу и поставила на пол два полных никелированных ведра молока.

– Ма-ам.

Она обернулась на сына, который на родительской кровати лузил конфеты из новогоднего подарка, но ничего не сказала и шагнула к печи.

– Юрка Семенов пропал!

– Как?! – Бабушка высунула голову из окошка.

– Алена заходила, у самой фонарь под глазом. Поругались, мол, в Новый год. Он ушел, телефон не отвечает. Вместе с Андрюхой сейчас по следам прошли до перекрестка в Выбутах. Спрашивает: «Маш, у вас из окна большак видать. Не проезжала из Ящеров «Газель» староверская?»

– Да можно подумать, просидели и в окно проглядели весь Новый год!

Из открытого люка в полу показалась рыжая отцовская макушка.

– Семенов Юрка в Новый год без вести пропал, говорю.

– В полицию заявляли? – Спросил отец.

– К Дим Санычу в Тямшу собираются.

– Ветер какой там?

Мать сверху вниз непонимающе уставилась на него:

– Где?! В Тямше?!

– На дворе.

– Не знаю. Нормальный!

Отец поднялся на одну ступень выше по подвальной лестнице:

– Ершонок, ложку подай.

– Ген, тебе специально совок куплен! – Завозмущалась бабушка на печи. – Сколько говорить, чтоб посуды с кухни не брал?!

– У совка края острые.

– А ложки в рот берем!

Не дожидаясь, чем кончится взрослый спор, Матвей спрыгнул с кровати, бегом бросился на кухню и вернулся с алюминиевой ложкой. Отец снова скрылся в подвале.

К тому времени, как тот выбрался наверх с жестянкой с червями, сын уже успел сходить в сени, и стоял в избе в расстегнутой шубейке и в валенках. Мама заставила его надеть рукавицы, помогла застегнуть тугие пуговицы на шубе, обмотала шею шарфом, а на голову нахлобучила меховую ушанку и завязала завязки под подбородком.

Во двор с крыльца Матвей спустился вперед отца, стащил рукавицу, поцеловал палец и выставил вверх. Кожу обожгло морозом.

– Ветер северный.

– Для окуня то, что надо, – сказал отец.

Из будки с заикающимся и каким-то придурковатым лаем вывалился им наперерез пес черно-коричневой масти. Внешне он немного напоминал немецкую овчарку, но размером был почти вполтину меньше. Пес встал в рост, обнял лапами Матвея и пытался лизнуть в лицо.

– Привет-привет, Малек, – мальчишка задрал над головой короткую зимнюю удочку из пенопласта, чтобы защитить ее от собачьих зубов, и свободной рукой потрепал уши дворняги.

Из другой конуры высунулась еще одна морда: заметно толще Мальковой, когда-то бывшая песочной масти, а теперь седая.

– Боцман, пока! – Матвей помахал морде ладошкой и напялил обратно рукавицу.

Вдоль тропинки торчат из сугроба голые кусты смороды и крыжовника. Грядок под снегом не видно. За огородом – баня, парники, курятник и хлев, где засыпают, а может быть, уже заснули Пеструшка, и Тучка, и маленький Тучкин теленок, которому пока не придумали имя.

Мальку охота проветриться перед сном. Отец отгоняет взбаламученного пса от калитки и пускает сына вперед. Сам протискивается следом с рыболовным ящиком на боку.

По улице впереди чернеет заброшенный дом стариков Козаковых. За ним горит синим светом окошко избы, где раньше жили другие Матвеевы бабушка с дедушкой, потом мама с маленьким дядей Андреем, потом дядя Андрей с женой, а теперь живет дядя Андрей – совсем один.

Пропавший дядя Юра Семенов – напарник дяди Андрея: они вместе удили рыбу и продавали ее в Пскове. Избы Семеновых отсюда не видать, да и не надо. С тех пор, как Семеновы

коз завели, двойняшки взяли за моду швыряться в Матвея катышками, и тот старался мимо без нужды не ходить. Вдобавок еще дразнили его за то, что рыжий и толстый, хотя он не толстый, а только полный, а то, что рыжий, так это наследственность.

Мелкие оба, еще и в школу не ходят, а нисколько его не боятся. Наверное, плачут теперь. И Пашка, их старший брат, тоже. Хотя он и не плачет, может: совсем большой, с Дашкой в одном классе учится.

– Па-ап, а дядю Юру что, староверы украли?

Отец на ходу оборачивается к сыну:

– Бог его знает, может, и украли.

Над Малыми Удами висит молочный серп луны, сахарной крупой по небосводу рассыпаны звезды. Две пары валенок, большие и маленькие, с тихим хрустом ступают по зимней дороге.

– Па-ап, а Ящеры за что так называются? Там правда, что ли, ящерицы живут?

Отец пожимает плечом, на котором висит рыболовный ящик:

– Бог знает. Может, и живут.

– Супруг вас избивал?

– Ни разу не было!

Алена сказала правду. Бил, конечно, это случилось. Но не избивал, нельзя так сказать. Вот отец ее, царство небесное, мать избивал. Пока совхоз не закрыли, еще ничего, а, как работы не стало, будто гад какой вселился в него. Сколько раз они с мамкой у Дубенков прятались! Коли не Максим Пахомыч, еще неизвестно, что б с ними было. Когда отца со льда, по пьянке замерзшего, принесли, они с матерью только перекрестились, хоть и грешно так думать про покойника, тем более про родителя, Господи прости! Юрка – тот другой был. Перед детьми ремнем помахать горазд был, когда разбалуются, но чтоб ударить – упаси Боже! А ее саму если стукнет, то только по пьянке, и тут же прощения ползет просить, коленки целует. Нежный был. *Был.* Чужало Аленино сердечко, что не увидит она его больше живым, да и мертвым навряд ли.

– Это не от него? – Полицейский указал на синяк, который от слёз на морозе из фиолетового превратился в ярко-сиреневый.

– На кухне споткнулась, пока холодец варила.

– Холодец?

По лицам было понятно, что ей не верят. Да и холодца-то, конечно, никакого не было. Хотя нет, был, конечно, свиную рульку ездила для него в город покупала. Но это здесь не при чем. За стол она небитая садилась. Выпили за старый год по рюмочке, потом по другой, по третьей. Тут Юрка и завел этот разговор про машину: «БМВ» двадцатилетнюю насмотрел на «Авито», на ходу, мол. Да хоть на двух ходах! У них за душой – ни копейки. А он говорит, в долг соберем и до конца года рассчитаемся. Про хозяйство свое стал заливать. Всегда так, как выпьет: сразу фермером-миллионером себя представлял, хоть сам за всё время, что коз держат, два раза молоко в город свозил, и оба раза без толку: жаловался, что в Пскове – одни нищebroды, зато и не берут. Они здесь в деревне, можно подумать, дюже богатые!

Еще не придумал, что с козами делать, а уже новый прожект у него созрел: африканских страусов на яйца и на мясо разводить, еще и сельхозсубсидию на них собрался выбить. Мол, диетическое и то, и другое: в городе бабы с руками расхватают. Алене смешно стало, как страусов этих на огороде у себя представила. Он тут и взбесился. Надо было прекратить эти хиханьки-хаханьки, но ее, пьяненькую, как будто бес за язык тянул. Он – мужик, кормилец, и фермерство это ради семьи затеял. Сам-то и вовсе из города переезжать не хотел. Вот обидно и стало.

Пашка психанул, к себе пошел. Двойняшки уже спать уложены были, проснулись, заплакались. А Юрка, как увидал, что натворил, полез прощения просить. Тут уж и она волю

рукам дала, всю рожу ногтями спустила. И не выгоняла она его, как соседи шептались. Он сам ушел. Думала, что к Андрюхе. Да он к нему и собирался, наверно: не знал, что в городе Андрюха Новый год отмечает. Как не открыли ему, черт знает, куда понесло.

Андрюха сказал, что они с женой проснулись в городской квартире в обед, и на телефоне от Юрки он увидел два пропущенных, оба в четыре ночи. Когда из Пскова он вернулся в Малые Уды, то с Аленой они сначала сами вдвоем пошли на поиски, а потом поехали вместе в Тямшу к Дим Санычу, участковому. Дим Саныч был сама любезность, но заявления брать не захотел. Сказал, что Юрка сам найдется. Может, сунь ему тысчонку-другую, он бы и зашевелился, но Алена с Андрюхой оба после праздника по нулям были, а занять у Парамоновых не подумали перед тем, как поехать.

Андрюха был еще, что называется, с запахом, и заново в Псков, тем более в полицию, ехать боялся. Но она уговорила. В главном управлении на Октябрьском проспекте никто его нюхать не стал, заявление о Юркиной пропаже приняли молча. На следующий день в обед полицейские уже сами приехали к ним в Малые Уды на двух машинах.

Одна из машин была старенькая иномарка Дим Саныча, который походил по домам, поболтал языком, да и убрался восвояси. На другом автомобиле, серой «Ладе», приехали двое городских. Первый был хмурый лысый майор лет сорока пяти, второй – юноша-лейтенант с симпатичным лицом, к которому совсем не шли усики и борода, что сейчас взяла за моду носить молодежь. Одет лейтенант был в клетчатое пальто, на шее – белоснежный шарф. Будто не полицейский, а какой столичный студент.

Они уже опросили соседей в Малых Удах, и теперь вместе с Аленой пошли в Выбуты к перекрестку, на холмике возле которого несколько лет назад водрузили памятный камень. *Величаем тебя блаженная и равноапостольная княгиня Ольга и чтим святую память твою идола поправившую и многия люди российские святым крещением просветившую...* Жилых домов на малой родине княгини Ольги давно не осталось – один только погост с наседающими друг на друга памятниками, крестами и высокими яркими оградками, какие до сих пор ставят на селе. Из зданий, не считая кладбищенских хозяйстроек, была только древняя церковь. К ней прилепилась низкорослая по городским меркам звонница в два пролета.

Второй день погода стояла ясная. Следы не замело, они только подтаяли на солнце и стали мельче. Больше, чем обувь, лейтенанта с бородашкой заинтересовали отпечатки протектора на снегу.

– Грузовик, – объявил он, поднявшись с корточек.

– Я говорила! И соседи вам подтвердят! – Алена только было успокоилась, но тут опять почти перешла на крик: – Вы в Бабаево, или еще куда съездите! Про белый рефрижератор все знают, «Газель» ихнюю. Что старообрядцы эти, или как их назвать, на ней по ночам людей собирают.

– Зачем собирают? – Не понял лейтенант.

– Для обрядов своих.

– А какие у старообрядцев обряды?

– Старые, – без выражения подсказал майор, лысый череп которого на улице закрывала кепка с длинным козырьком.

Алена открыла рот, чтоб ответить грубостью, но сдержалась в последний момент. Молодой свернул тему:

– Врагов у вашего супруга не было? Руководство завода, может быть, угрожало?

– Нужен он им! Насчитали ущерба на триста тысяч, а по факту цветмета на десятку. Вы не хуже моего знаете, кого у нас суды защищают.

Про уголовное дело, которое тянулось уже столько лет, что они с Юркой сами со счета сбились, она специально упоминать не стала, но опера успели подготовиться. Время тогда было тяжелое, Алена сидела в декрете с двойняшками, а Юрку с завода поперли, на котором он

полжизни отпахал. На другой устроился, платили там гроши, но зато на проходной охранник сговорчивый был. Юрка с ним и сговорился. Вынес то ли блоки какие, то ли еще что. Это Юрка в технике разбирался, а Алена – ни бум-бум. На медь разобрал это, то, что вынес, и продал.

Денег с него заводские директора сильно не требовали, понимали, что не с чего отдавать, но места в цеху Юрка лишился. Скоро со съемной их семейство выставили за неуплату. Пришлось ехать в деревню к Алениной матери. Только благодаря ее пенсии, они не померли в первую зиму с голоду. Потом Юрка пристроился рыбачить к Андрюхе Евстафьеву, а на детей повысили пособие. Когда матери не стало, они уже кое-как встали на ноги.

– С тех пор, как вы переехали в Малые Уды, ваш супруг больше нигде не работал?

– Нет здесь работы, как совхоз закрыли. Кто на пенсию живет, кто хозяйство держит, – сказала Алена. Про рыбу, которую Юрка вместе с Андрюхой без документов продавал в городе у семейного «Магнита», она промолчала.

На морозном небе над погостом показались первые звезды. Пока по большаку – сначала вдоль реки, а потом по полю – полицейские с Аленой добрались обратно до Малых Удов, уже совсем стемнело.

– Сейчас на развилку вернетесь, и по дороге так и едете дальше. За лесом Ящеры будут.

– Стрелку видели, – сказал лысый.

– Если что-то вспомните или станут известны новые обстоятельства, позвоните, – лейтенант порылся в клетчатом пальто, протянул Алене визитку и следом за начальником пошагал к серой «Ладе».

«Сабанеев Иван Алексеевич. Оперуполномоченный Управления уголовного розыска ГУ МВД по Псковской области», – прочла Алена на карточке прежде, чем сунуть ее в карман куртки на рыбьем меху.

За свои три месяца работы в угро Иван Сабанеев не видел столько заявлений о пропавших без вести, сколько поступило к ним за два праздничных дня. 1-го числа до поздней ночи они исколесили весь Псков и половину района, а сегодня с утра перед Малыми Удами еще успели заехать в городе на дальнее Завеличье, где подгулявший глава семейства сам ввалился в дверь, пока они брали показания у домашних.

– Артем Игоревич, вы про эту «Газель» с рефрижератором раньше слышали? – Иван Сабанеев глядел на дорогу, что вела машину через заснеженный хвойный лес.

– Еще с перестройки слухи по району ходят, – ответил Копьев с пассажирского сиденья. – Народец в Ящерах тихий, но со странностями. Не бедствуют. От зависти у соседей играет воображение.

– А что за странности?

– Живут замкнуто своей общиной. Не пьют, не курят. Имена старинные. Дети на домашнем обучении, пожилые на пенсию не подают.

– Сидят на натуральном хозяйстве? – Подсказал Сабанеев.

– Рыбу ловят. У них своя артель. «Садко». Участок на реке выкуплен. Я несколько лет назад у них был, когда в Неёлове очередной алкаш потерялся. На староверов тогда всем Неёловым пальцами показывали, и рефрижератор среди ночи видели. Даже якобы разглядели номера.

Между деревьев впереди заголубели огни уличных фонарей. Показалась белая река.

– Алкаш нашелся?

– Нет.

– Я тут посчитал, – осторожно заметил Сабанеев. – У нас по области показатель по пропавшим без вести на тысячу человек на пятнадцать процентов больше, чем по Северо-Западу в среднем. Это за последние двадцать лет, дальше статистики нет. А если взять четыре района: Псковский, Печорский, Островский и Палкинский, то на двадцать пять.

– Летом в реке тонут, зимой по канавам замерзают. По употреблению алкоголя на душу населения мы тоже бьем рекорды, особенно если суррогат посчитать.

У берега был возведен частокол, из которого в сторону реки наполовину выступало массивное здание. В первую минуту Сабанеев принял его почему-то за старообрядческий храм, но, когда они подъехали ближе, то не разглядел ни купола, ни креста наверху, ни даже окон в глухом срубе. На огороженной территории были еще две постройки пониже, крыши которых поднимались над глухим забором.

– Их рыбное хозяйство, – сказал Копьев, не поворачивая головы, когда они проезжали мимо.

Деревня Ящеры была из числа малодворных, как почти все на Псковщине, где десять изб уже считают большим селом. По указанию майора «Лада Калина» свернула в первую из двух улочек. Дом директора артели стоял ближним к лесу.

Когда оперá вышли из машины, со стороны избы раздался грозный лай, который тут же подхватили несколько собачьих голосов из-за забора напротив. На крыльце показалась молодая женщина в шубе. Сабанеев поздоровался с ней, пытаясь перекрычить охранника на дворе, и протянул удостоверение через изгородь.

Дом староверов с резным фронтоном и теремками-наличниками на окнах рисовал впечатление сытной крестьянской старины. Снег на крыше в свете фонаря с улицы отливал мертвенной синевой. Взгляд Ивана задержался на коньке избы, где вместо деревянной лошадиной головы или петуха восседала неизвестная рептилия в снежной шапке.

От дома к сараю из бревен на другом краю двора была расчищена дорожка в снегу. Ни теплиц, ни сада в хозяйстве не было. На участке росла только старая ель, и у забора торчали из-под снега ветки какого-то кустарника.

Похожий на гончую поджарый лопоухий пес рвался на цепи, другой конец которой был приделан к будке из нестроганных бревен.

– Кошей! Не балуй! – Прикрикнула молодая хозяйка, но пес только больше ярился. Оперám пришлось сделать крюк, чтобы подойти к крыльцу.

Вместе с хозяйкой они поднялись по ступеням. В сенях вдоль потолка были растянуты гирлянды сушеных щук и лещей. Аппетитно пахло вяленой рыбой. Женщина скинула шубу и осталась в неподпоясанном старомодном платье. Лейтенант посмотрел на ее живот и сделал вывод, что директорское семейство ждет пополнение, и довольно скоро. С трудом наклонившись, она стянула валенки, сунула ноги в тапки и отворила перед гостями дверь.

Директор артели «Садко» Святovit Михалапович Родич при виде полицейских поднялся от стола и вставил закладку в книгу. На нем был джемпер красно-коричневого цвета с рисунком из бледно-желтых линий и ромбов и шаровары. Вопреки Ивановым ожиданиям, бороды директор-старовер не носил, на лице были только жидковатые усы подковой.

Женщина на другом конце скамьи – наверно, его супруга – отложила пяльцы с вышивкой. Она была ровесница Святovита Михалаповича, лет пятидесяти с небольшим.

– Бог в помощь.

– Сабанеев. Уголовный розыск, – лейтенант пожал руку, которую протянул ему хозяин, и показал удостоверение.

– Присаживайтесь.

За всю последнюю неделю это первое жилище, где Сабанеев с Копьевым не увидели наряженной елки. То ли в общине не отмечают праздников, то ли Новый год встречать будут через две недели по старому стилю. Четверть избы занимает исполинская печь, с которой на полицейских таращит заспанные глаза девчушка лет четырех-пяти. Печь отделяет кухонную зону от жилого помещения с длинным столом и двумя самодельным кроватями: односпальной и широкой двуспальной с массивным глухим изголовьем. Шкафа в избе нет, но в дальнем углу стоят два старинных сундука с железной оковкой, один немного меньше другого.

– Квасу выпьете?

– Неси – не спрашивай. Да ухи влей, – ворчит хозяин.

Когда беременная скрылась за печкой, к Ивану обратилась «вышивальщица»:

– К нам почтальонка в том году заходила. Любава ей тоже квасу предложила, а она отвечает: «Вам, староверам, после этого кружку придется бить».

– И я про такой обычай читал, – сказал Иван Сабанеев.

– Старообрядцы разные есть. Поповцы, единоверцы – у них, может быть, так.

– А вы?

– Мы беспоповцы, – улыбнулась женщина. Каштановые волосы у нее были пострижены в каре, ногти покрашены кроваво-алым лаком.

– Беспоповцы? То есть священников у вас нет?

– Ни попов, ни церкви, – подтвердил за нее хозяин избы. – В жилищах своих Господу Богу молимся, – при этих словах они вдвоем привстали с лавки и по-староверски, двумя перстами, старательно перекрестились. Девочка на кровати вытащила руку из-под одеяла и повторила их жест. Сабанеев огляделся и не нашел глазами ни одной иконы, но решил дальше не распространяться на религиозную тему.

Первым на столе появился хлеб, нарезанный толстыми ломтями, потом квас и наконец уха в глиняных мисках. Иван Сабанеев оглянулся, чтобы поблагодарить Любаву, и невольно задержал взгляд. Несмотря на изможденность в лице, которую он списал на поздний срок беременности, девушка была очень хороша собой.

Когда она скрылась за печью, Иван обратился к директору артели:

– В Малых Удах в новогоднюю ночь пропал человек. Семенов Юрий Алексеевич. Знаете, может быть?

– Юрку знаю. А что пропал он, первый раз слышу, – удивленно поднял брови Святovit Михалапович.

– В ночь на 1-е число вы не заметили ничего необычного? Может быть, крики слышали? Или чужаки заходили в деревню? – Иван потянулся к кружке. Судя по аромату, квас настаивали на ягодах можжевельника. Вкус был приятный и чуть терпкий.

– Это летом у нас тут каждую ночь крики хмельные окрест, особенно в выходные и в праздники, а зимой все по домам сидят. За рекой, правда, взрывали салюты, но это уже не первый год.

В беседу включился майор Копьев:

– На вашу артель зарегистрирован грузовик, «Газель» с рефрижератором. Вы на нем ездите?

– Прежде я ездил, рыбу в город возил, когда директором мой отец был. А нынче за водителя Богуслав, сын мой. Кроме нас, больше никто в страховку не вписан.

– А он?..

– Сети на пристани чинит. Любава, сходи!

Беременная поднялась с края скамьи, куда только что пристроилась отдохнуть, и поспешила к двери.

Иван черпал уху деревянной ложкой и разглядывал вышивку на скатерти. Узор на ткани был составлен из ломаных под прямым углом линий, квадратов и ромбов с точкой посередине. Занавески на окнах украшал тот же орнамент.

В похлебке плавал жирный кусок белой рыбы. Вилку принести не догадались. Выхлебав жидкость, Иван стал разбирать рыбу ложкой и пальцами. Когда он вымыл руки в раковине за печью и вернулся к столу, из сеней послышался мужской голос.

Лицом Богуслав Родич напоминал отца, правда усов не носил, и сам был шире в плечах и выше ростом. Он перешагнул скамью и уселся за стол по правую руку от родителя.

Иван снова объяснил, что они занимаются розыском пропавшего без вести Семенова Юрия Алексеевича 1984 года рождения и опрашивают возможных свидетелей.

– Ночью с 31-го декабря на 1-е января вы на автомобиле не выезжали из деревни?

– В Новый год что ли? – Молодой Богуслав угрюмо глядел на полицейских. – Дома я был. С родителями.

– Наутро уже в город за хлебом поехал, – добавила женщина с пяльцами. – Обычно в Малых Удах покупаем, но в праздник ларек не работал.

– В котором часу это было?

Богуслав пожал плечами:

– В десять. В одиннадцать, может.

Иван спросил про ключи от «Газели». Директорский сын клятвенно заверил лейтенанта, что никому не давал их, и, разумеется, не смог прибавить ничего нового к известным обстоятельствам исчезновения Юрия Семенова. Операм оставалось только сказать спасибо хозяевам и попрощаться.

На улице, когда за ними закрылась калитка, Иван Сабанеев обернулся к майору:

– Раз они в домах молятся, то где красный угол, иконы?

– И какое отношение это имеет к нашему клиенту?

– А следы шин в Выбутах?

– Ты же слышал, что в магазин ездили.

– Мутные они.

– Своеобразные, – поправил Артем Игоревич.

Иван предложил заглянуть теперь к кому-нибудь из соседей Родичей, но майор ничего не ответил и только устало взмахнул рукой.

Бубня что-то на два разных голоса себе под нос, Златка возится на родительской постели с куклами, которые Святovit вырезал для нее из дерева на Новый год. Внешне человечки неотличимы между собой, но она сама как-то решила, кто из них мальчик, а кто девочка, и дала имена: Голуба и Вячко.

На своей кровати сопит сын Богуслав. Лай со двора заставляет его на миг распахнуть глаза. Не просыпаясь, он переворачивается к стене.

Времени десятый час. Погода безоблачная, от белизны за окном слепит глаза. Мимо избы по снегу в расстегнутой шубе пробежала Любавка и скоро показалась снова, уже вместе с гостем.

Умила положила вышивку на стол:

– Кто там?

– Отец Власий.

– С чего бы?

– Известно, с чего, – проворчал муж.

Гость был одет в поношенную зимнюю рясу-пальто, которую Святovit помнил еще на его предшественнике по приходу отце Фалалее. На голове была овчинная шапка.

Златка отложила деревянные куклы и разглядывала священника.

– Что надо сказать?

– Бог в помощь!

– Во славу Божию, дитя, – улыбнулся гость в ответ.

Отец Власий с хозяином поклонились друг другу и пожали руки. Священник всё не мог отдышаться с дороги, пытел как самогонный аппарат, да и запах от него шел такой же. Любава поставила перед ним кружку кваса. Власий осушил ее одним махом. По лбу и щекам, с мороза иссиня-красным, потек похмельный пот.

– Как живы-здоровы?

– Божьей милостью, – ответил Святovit.

Гость на миг обратил взгляд к кровати у окна, где спал Богуслав.

– Что уловы праздничные?

– Бывало и лучше.

Любава появилась из-за печи с кувшином и заново наполнила священнику кружку. Власий отхлебнул большой глоток и поднял взгляд на хозяина:

– Юрка Семенов у нас пропал. Слыхали?

– Как не слышать? Из уголовного розыска приезжали вчера под ночь, Златку уже спать уложили. Спрашивали всякое. А что мы скажем? Аленку-то, ясно, я с детства знаю, а Юрку встречу где – не узнаю. За всю жизнь пару раз видал. А Божик – так, может, и вовсе ни разу. Сколько Юрка тут прожил? Год?

– Уж третий пошел.

– Время, что вода, течет не замечаешь.

Сквозь сон Богуслав услышал свое имя, отбросил одеяло с лица, перевернулся на спину и захрапел.

– Трое детей осталось у Семеновых, – сказал Власий. – Один постарше, а другие двое – совсем крохи.

– На всё воля Господня, – Святovit осенил себя двуперстным крестом.

– Мне вот какую историю брат Диодор из нашего монастыря поведал. Позапрошлой осенью так же рыбак пропал у них в Красногородске. Тридцать три дня не было. Думали, что утоп. А на тридцать четвертый день он сам явился домой. Бог его знает, где был. Сам то ли не помнит, то ли не говорит. Чуть мое сердце, что и Юрка наш жив, и молюсь, чтобы к семье вернулся.

– Я вместе с вами, отче, буду молиться. Да только обычно находят такого пропащего в канаве по весне, как снег сойдет, а то и вовсе как в воду канет.

Святой отец ничего не ответил и уставил глаза в кружку с квасом, где еще не улеглись частички хлебной мути.

– Как Хомутов ваш старый? Слышал, что опять слег.

– Еще по осени, – Власий поднял растерянный взгляд. – Какими только таблетками его Катерина Ивановна ни пичкает. С печи только поесть слазит. Бог знает, что такое.

– Аптека не на два века. Но что от еды не отказывается, это знак добрый.

– Дай Бог, к весне оклемается. В прошлый год так же было. Да и в позапрошлый. Зиму на печи отлежит, а летом с реки не выгнать. Видать, из-за погоды эта хвороба у него, оттого доктора ничего найти и не могут. А Беяна ваша так одышкой и мается?

– Жабу у ней в груди Невзор обнаружил. Лечит. Выгнать не получится, говорит, возраст уже не тот, но и задавить старуху не даст.

Когда гость начал собираться, Любава с той проворностью, которую позволял ей беременный живот, бросилась к холодильнику. В черный пакет в ее руках сползли две огромные щуки, покрытые кровавой слизью.

– Господи! Куда двух! Одну хоть обратно вытащи!

– С хозяйкой поделитесь, – указал глава семейства, поднявшийся проводить Власия. – Внука она так и нянчит одна?

– И до самой армии, видать, нянчить будет, – вздохнул священник. – Лишили дочку родительских прав, а зятек опять в каталажке. Никитка из-за этих треволнений второй месяц от простуды поправиться не может. Сама Валентина Ерофеевна тоже переживает. Участковый Дим Саньч при мне приходил, уголовкой пугал за самогонование. А если аппарат отберут, куда идти? На одну пенсию вдвоем с ребенком нынче не проживешь.

После долгой борьбы пакет с рыбой остался у священника. Любава подала ему шапку, которую Власий нахлобучил свободной рукой и провозгласил:

– Храм мой для вас всегда открыт! – И добавил уже не торжественным, а обычным своим негромким голосом: – Ну а закрыт ежели, то к Валентине Ерофеевне стучитесь, пошли ей Господь здоровьица.

Перед тем как шагнуть за дверь, он переложил пакет с угощением из правой руки в левую и осенил внутреннее пространство избы щедрым крестом.

Не считая приема пищи, любимым занятием Боцмана было наблюдать за хозяйской работой. Вечером в сочельник он восседал в снегу посреди двора и не спускал глаз с Марии, которая орудовала топором возле дровника. По случаю мороза на упитанную собачью тушку был надет ушитый когда-то Елизаветой Ивановной старый свитер Геннадия с бело-синим орнаментом из квадратов и ромбов.

Поднявшись на ноги, старый пес зашелся хриплым лаем. Его тут же поддержал Малек, который вынырнул откуда-то из темноты.

Мария с колуном в руках обернулась и заметила за изгородью троих детей в масках. Из-за этих масок Боцман и взбаламутился, а Малек – так ему только повод дай.

Коляда, Коляда!
Накануне Рождества!
Кто не даст Колёдки,
Насерем на воротки!

Голос принадлежал Пашке, старшему из Семеновских, на его бумажной маске лиса с «Лентовского» новогоднего базара застыл хитрый прищур. По бокам от брата стояли крохотные двойняшки: мальчик-зайчик прятал ладони в карманы куртки, у девочки-белочки в голых руках болталась пустая торба. Дослушав колядку, Мария шутливо всплеснула ладонями, перевернулась через забор и выхватила у нее сумку.

В избе хозяйка сначала споткнулась о загнутый кверху половик, потом запуталась ногами в задремавшем на нем коте и чуть не потеряла равновесие. Полосатый Окушок поднял голову и проводил ее недовольным взглядом.

Перед трельяжем на двух табуретах вплотную друг к другу младший и старший Парамоновы в четыре руки мастерили какую-то хитрую снасть. Рабочее место освещала настольная лампа.

Матвей молча проследил глазами за матерью, которая распахнула одну за другой дверцы серванта и сложила в сумку банку сгущенки, распечатанный пакет пряников и печенье в шоколадной глазури. Сверху еще насыпала горсть конфет. Когда она с сумкой исчезла в сенях, за трельяжем возобновилась работа, совершаемая мужчинами без единого звука.

Отворилась дверь детской, в зеркале на пороге комнаты нарисовалось Дашкино отражение. Она щелкнула выключателем и сощурила сонные глаза.

– Что вы тут как в катакомбе сидите?

– А чего, Даш, электричество жечь? Экономим, – ответил отец отражению.

Со щеткой в руке Дашка подошла к зеркалу и начала приводить в порядок спутанные после дневного сна волосы. В боковой створке трельяжа отражался бледный с веснушками профиль. Сестра у Матвея – тонкая, длинная, еще в том году выше мамы вытянулась. Когда надо было что-то сказать ей, младшему брату приходилось задираť голову. Про него самого говорили, что сын в отца пойдет. Не слишком высокий, может быть, но зато крепкий и костью широкий – самая лучшая комплекция для зимней рыбалки.

Открылась входная дверь. Снова вошла мама, вывалила на пол охапку замороженных поленьев и стянула со светлых, как у Дашки, волос мокрый от пота платок:

– Ген! Когда дров наколешь?!

– Завтра, – отозвался отец.

– С прошлого года «завтраками» кормишь!

Дашка у зеркала повернула голову:

– Что за шум был?

– Семеновские колят. Конфет дала, да еще кое-чего. Раньше хоть бабы-Катина пенсия была. А теперь? Алена говорит, что коз на продажу выставить собирается. Бог знает только, купит ли кто, – она нагнулась за дровами.

– Нафига топишь? И так дышать нечем.

– На Рождество заливное буду варить.

Не спуская глаз с сестры, Матвей подобрал с трельяжа и начал наматывать на пухлый мизинец обрывок лески. Дашка закончила с прической и взялась за макияж.

– Куда наострилась на ночь глядя?

– В Тямшу. Дискач в школе, я же говорила.

Залаяли собаки. Мама подошла к окну и приотдвинула штору. За забором светила фарами машина.

– Это кто на такой?

– Танькин новый парень. Псковский, – ответила Дашка.

– В одиннадцать чтобы дома была!

Дашка, уже одетая, затормозила и обернулась у самых дверей только для того, чтобы построить маме противную рожу.

Приходской священник отец Власий с рюмкой в руке поднялся со своего кресла во главе разложенного стола-книжки. Перед Парамоновыми он уже успел побывать у Христовичей, и был не то, чтобы пьяный, но, как говорится, тепленький.

– Ну, с Рождеством, православные! Да пребудет с нами Спаситель!

– С Рождеством!

– С Рождеством!

Над праздничным столом сдвинулись рюмки с янтарной, под коньяк, жидкостью.

Пост закончился, но из мясного на столе – только копченая колбаса, которую специально для Власия нарезала на тарелку с розами из сервиза Машкина свекровь Елизавета Ивановна. Остальное меню рыбное: жареная плотва, лещ, запеченные окуни, томленные в сметане ерши, мисочки заливного. На отдельном хрустальном блюде сложены ломтики судака в золотистом кляре. Бутыл самогона посреди скатерти с рюшами уже пуста на треть.

Следующий тост – за здоровье собравшихся, а после него – за мир с ближними и любовью. Самогон Валентины Ерофеевны славится на всю волость, так что даже тямшанские ездят затариться им в Малые Уды, хоть от Тямши километров до них больше, чем до города. Андрей Евстафьев выпил и закусил ложкой заливного из миски перед собой.

Дашка посидела час и ушла, только с Власием выглянула поздороваться. Зато Матвей был здесь. Вперед дяди племян расправился со своим рыбным заливным, и теперь вяло ковырял плотву. По лицу было видно, что в него не лезет, но он не сдавался, как настоящий мужчина. На праздниках Матвей всегда со взрослыми сидел до конца, поесть любил и лимонада попить, за который Машка его ругала.

Зять Генка пил лимонад вместе с сыном. Его покойный отец, Матвеев дед, был единственным трезвенником в совхозе, и Генка такой же смолоду: не пил, не курил, зато и не общался ни с кем. Да ему самому, надо сказать, тоже никто не был нужен, кроме рыбы, пока семью не завел.

Телевизор без звука показывал новости. Елка, которую из-за уговоров Матюхи поставили за неделю до Нового года, сыпалась вовсю. Перед тем как накрывать стол, Машка подмела иголки, но на пол уже успели навалиться новые. На лысых ветках висели игрушки: сосульки,

домик с сугробом на крыше, стеклянная болонка, шары синие, зеленые и лиловые с фосфорными снежинками и белой мишурой внутри, которые Андрей почему-то очень любил в детстве. С Машкой они поделили родительские игрушки поровну. И зря. Как Анька, его жена, уехала в город, он ни разу не поставил елку.

На Рождество к Парамоновым Андрей идти не собирался, сдался только после уговоров сестры, но даже пятидесятиградусный самогон не мог прошибить его тоски. В Новый год на городской квартире они много говорили с Анькой, и спать легли, только когда по телевизору закончился последний голубой огонек. Договорились начать всё сначала, но через день по телефону снова разругались в пух и прах. В следующий раз он позвонил только в сочельник. Разговор опять был на повышенных и кончился тем, что Анька предложила законным образом оформить их с Андреем отношения, а точнее отсутствие таковых. Еще потребовала вернуть деньги за машину, которую они покупали вместе, а кредит платила она одна. Когда сегодня с утра Андрей позвонил поздравить ее с Рождеством, она просто не взяла трубку.

Можно подумать, это он виноват, что клева нет. В советское время отец, бывало, с зимней рыбалки вернется, так ящик двумя руками не поднять, а теперь, сколько продашь в городе, настолько и машину заправишь. Да еще у Юрки никогда на бензин было не допроситься, сразу многодетного отца включал: то старшего, Пашку, в школу собирает, то двойняшки из зимней одежды выросли, то еще какая золотуха. А у Андрея, раз детей нет, то и деньги, выходит, ему не нужны!

– Ты не слыхал, Алена подала документы на пособие по утрате кормильца? – Спросил между делом отец Власий.

– Ездил в собес. Сказали, что пять лет надо ждать, – сказал Андрей. – Тогда, если не найдут, то умершим признают. Доплату еще какую-то выбить пытаются.

– А ищут его?

– В интернете объявления развесили.

– Хоть бы с собаками приехали! – Возмутилась Елизавета Ивановна.

– Или дрон запустили над полем, – сказала сестра. От спиртного щеки у нее зарделись.

– Да будто в поле он! Следы обрываются посреди дороги, там же и колея от рефрижератора!

– Сколько я у вас служу, столько про этот рефрижератор сплетни ходят, – покачал головой отец Власий. – Не слушай, Андрюш, брось.

– Когда тело найдут, тогда и брошу.

– Как продажи рыбные? В праздники, небось, хорошо берут?

– Как обычно, – ответил Андрей и потянулся к самогону, не дожидаясь тоста.

Мария толкнула брата в бок:

– Хватит! Одну за другой хлещешь!

В ответ он с вызовом глянул на сестру, наполнил рюмку до самых краев, осушил ее и громко обратился к гостю:

– Вы, батюшка, в Ящеры третьего числа ходили. Не спрашивали про нашего Юрку?

– Да как же? Спросил, конечно. Но к ним еще второго полиция приезжала.

– И что?

– Да ничто, – пожал плечами святой отец.

– Форелькой-то не забыли угостить?

Теперь под скатертью Машка пнула его тапкой. Андрей сделал вид, что не заметил.

– Шуренка дали, – нехотя ответил Власий. – И второго для Валентины Ерофеевны.

– Ну ясно дело, судак, форель да хариус у них на продажу в город идут, а вам – что попроще. Хотя и шуки-то уже год я не видал. Только окунь, ерш, да плотва.

– А налим как же? Тем летом на двадцать килограммов вытащил! – Оживился Генка, который всё застолье сидел молча. – Лещи еще! В прошлый год с Матвеем за раз шесть штук взяли! Один – вот такой лапоть! А язь?! А голавль?! А снеток?! Беребра опять же!

– Да что беребра?! Та же плотва!

Власий поднялся от стола с видом, что собрался уходить.

– Куда это вы, батюшка, Господи помилуй? Вон и бутылку еще не допили.

– Уж и так засиделся. Спасибо, Елизавета Ивановна.

– Да сидите вы, Господи! – Громко вмешалась Мария. – Андрюха, сами знаете, как выпивши, не понимает, что несет! Еще с Анькой своей разругался!

– Спасибо, Мария милая, но еще Хомутовых я обещал навестить. Катерина Ивановна жаловалась, что совсем старик плох. Бойтся, что до весны не дотянет. Не дай Бог.

Через Андрея Машка полезла из-за стола, чтобы проводить Власия. Перед сеньями она обернулась и метнула в сторону брата негодующий взгляд.

Хлев Парамоновых освещает заляпанная лампочка над дверью. На дощатой стене белеет паутинный узор замороженной плесени. Не резко, почти приятно пахнет навозом. Хоть на улице стужа, с похмелья Андрея бросает в потливый жар, под расстегнутой дубленкой рубашка прилипла к телу. Мария в стойле доит свою то ли Тучку, то ль Ночку, мурлычет что-то под нос и старательно делает вид, что не слыхала ни лая на дворе, ни шагов брата.

Он постоял еще немного и наконец не выдержал:

– Маш, двадцатку, може, займешь?

– А что, Ерофеевна в долг не дает? – Деланно изумилась сестра, не выпуская коровьего вымени из рук. – Раз не дает, небось, причина есть.

– У Елизаветы Ивановны пенсия позавчера была.

– Не по твою честь была, Андрюш! Дашку в университет собираем.

– В университет? Ты же считала, что не потянете.

– Пересчитала, – сказала Мария. – На «Ниве» на рынке у Елизаветы Ивановны торговля пошла. Кроме молока, и творог, и сметана. Только делать успевай. Тьфу-тьфу, чтоб не сгладить, – Мария трижды стукнула костяшками по обратной стороне табуретного сидалища. На дворе тут же твякнул бдительный Малек. – Год-другой продержимся. Там постарше будет, глядишь, и сама подработает. Вон Танька, подруга ее, на велосипеде пиццу по вечерам после лекций развозит.

– На кого поступать будет?

– На экономиста.

– Дело хорошее.

Сестра ставит ведро в проход и прячет руки в карманы дворовой куртки. Сквозь решетку яслей к молоку тянет голову теленок. Дождавшись, пока детеныш напьется, она волочит ведро к порогу.

Андрей спешит на помощь, но поскальзывается на коровьей лепешке и чуть не выбивает ведро из ее рук. По соломе с навозом растекается белая лужа.

– Пить надо столько, Андрюш, чтоб наутро похмеляться не надо было, – с укоризной глядит на него сестра. – И к отцу Власию за что вчера прицепился?

– А на кой он к староверам своим тягается? Да обратно всё не с пустыми руками!

– Хочет, и тягается. Тебе что за дело?!

– У «Магнита», когда позавчера стоял, Сашка из Снегирева подошел. Ну, помнишь тети Гали сын? Седой весь, я бы и не узнал его, да сам признался. Про Юрку ему рассказал. А он говорит, прошлой осенью мужик у них пропал. За бодягой в деревню через лес потемну поперся. Как из дому вышел, так больше не видел его никто. А на утро другой сосед рассказал, что мимо их Снегирева белая «Газель» проезжала.

– Да будто белых «Газелей» мало вокруг!
– Ездят староверы ночами по району, Маш. Я сам видал той весной. Часа в три обогнал меня на большаке рефрижератор. За рулем Богуслав сидел, главного сын.

– А ты что на дороге в это время делал?

– От Аньки ехал.

– Так, може, и он от кого! В деревне – Любава, а в городе – Машка какая-нибудь. – Мария подступила вплотную к нему и стала застегивать пуговицы на искусственной дубленке. – Что нараспашку весь? Не лето чай на дворе.

Вторая корова встречает хозяйку тычком огромного черного носа прямо в губы. Перед тем, как взяться за вымя, Мария терпеливо чешет пеструшку за ухом.

Он решил сделать последнюю попытку:

– Выручи, Маш. В субботу верну.

– Нет денег, Андрюш! Ни полтинника, ни червонца, ни рубля. Хошь, в курятнике яиц набери. А деньги, я слыхала, на работе дают.

Андрей ухмыльнулся:

– Подскажешь, може, куда идти?

– У Аньки своей в городе спроси!

– А Генка твой за что не устроится?

– Ему на чем добираться?! Автобус до Пскова два раза в день ходит, еще до остановки сорок минут пешком топать. Это у тебя машина под задницей!

– А бензин посчитала?

– Не дороже выйдет, чем самогоном у Ерофеевны каждый день заправляться.

– Знаешь, как говорят? Где родился, там и пригодился. Я не виноват, что совхоз закрыли.

– Говорят, да не про тебя! А закрыли совхоз, так значит, не нужен стал.

– А раньше за что-то нужен был?!

– Зато нужен был, что не работал в тех совхозах и колхозах никто, а только самогон жрали, и развели их по всей стране, чтоб народ хоть как-то прокормить. Еще каждую осень с города студентов везли.

– Наслушалась от Максим Пахомыча!..

– Да при чем здесь Максим Пахомыч?! Ты вокруг погляди. И удобрения нынче другие, и техника. Всё автоматизированное. Рабочую лошадь ты когда в последний раз на селе видел?!

Он круто повернулся, на выходе чуть не врезался лбом в низкий проем двери хлева и пошагал к калитке. Из конуры проводить родственника выбежал Малек, но от занесенного в злобе ботинка поджал хвост и бросился прочь. Андрей поглядел вслед обиженному псу, и в ту же секунду ощутил горький стыд.

II. Февраль

– Батюшка Власий! Батюшка Власий! Батюшка Власий!

Святой отец не оглянулся и даже, как показалось Матвею, ускорил шаг. То ли не слышал, что его зовут, то ли сделал вид. Може, обидевши на что? Когда священник юркнул в калитку церковного двора, Матвей повернул голову к отцу, не сбавляя шага:

– А за что батюшка Власий с нами не здоровается?

– За то, что на рыбалку идучи, священника встретить – плохая примета. Вот он и не хочет нам клева портить, – объяснил отец.

На ходу Матвей опустил зимнюю удочку, которую нес в руке, и вывел длинную каракулю на сугробе вдоль забора бабушки Лариной, что начинался за церковным двором. Ларину похоронили в прошлом году, окна и дверь в избе были заколочены досками.

За домом Лариной стояла совсем развалившаяся ничейная изба. Забор вокруг давно растаскали на доски. Кроме дряхлого дома, на дворе были сарай, хлев со сложившейся внутрь крышей и баня. Летом с Никитосом они решили организовать в бане штаб, но только разложили припасы и оружие, как всё вокруг заскрипело, и они оба услышали жуткий шепот. Матвей слов не разобрал, но Никитос услышал, как по имени звал его кто-то замогильный. Еле ноги унесли оттуда.

Под честное слово не растрепать маме с папой, Матвей рассказал обо всём Дашке. Дашка сдержала слово и отругала его сама, а про шепот сказала, что это ветер дул через трубу. Но Никитос клялся бабушкой, что это был голос, а не ветер, и на ужасный двор они больше не ходили.

Нынче ветер был легкий, южный. То, что нужно для плотвы с береброй. А если повезет, то и леща можно взять, как прошлым июнем, когда они с отцом сразу двоих вытащили. Отец, правда, всем говорил про шестерых: не врал, а преувеличивал по рыбацкому обычаю, чтоб не обидеть Речного Деда.

На правом берегу курились домики еще более малодворной, чем их Малые Уды, деревушки под названием Волженец. Они обошли погребенную под сугробом лодку, которая лежала здесь пузом кверху столько лет, сколько Матвей себя помнил, и спустились к Великой мимо старенького причала. Еще издали Матвей с досадой разглядел знакомую фигуру в зимнем камуфляже неподалеку от безымянного островка на излучине реки:

– Опять дядя Борис! Скажи ему, пап!

– Как я ему скажу? Это у староверов участок под лов выкуплен, а здесь место общее. Уди, кто хочешь.

Ветер доносит глухие железные удары. За излучиной мужики из Ящеров дырявят пешнями ледяное одеяло реки. Лиц отсюда не разглядеть, только видно, что все бородатые.

– А что будет, если мы за остров ловить пойдем?

– Ничего не будет.

– Почему тогда не идем?

– Нельзя. Там чужая вода.

– А правда, что староверы все вместе в бане моются?

– Говорят, правда, – отвечает отец. – У них баня – общая на всю деревню.

– А разве можно так, что тети с дядями?

– А за что нет? И расход дров меньше, и тетям дядь ждать не надо. Отец Власий вон говорит, что в старину все так мылись.

У них в Малых Удах даже камни на реке все с именами: Жеребятый, Клобук, Егоркин, Лепеха, а целый остров никак не называется. Наверно, потому что он здесь – один-единственный. Летом на лодке к островку не подойти из-за тины и камышей, а в половодье его затапли-

вайт, и кажется, что пышные серебристые ивы растут прямо посреди Великой. Нынче так же. Только по деревьям, черным и тонким зимой, можно опознать остров на густо заснеженной реке. Снег Матвею выше валенок. Папа взял бы его на руки, но сам груженный: ящик, пешня.

Когда они поравнялись с дядей Борисом, тот встал с раскладного брезентового стульчика, стащил рукавицу и протянул теплую ладонь сначала отцу, потом сыну, и соорудил зачем-то смешную рожу.

Перед каждой из идеально круглых, пробуренных буром лунок на их с папой месте лежало по удочке на подставке.

– Дядя Борис, а за что вы наше место заняли?!

– Не «за что», а «почему», – важно поправил майор, – «за что» только в вашей деревне говорят.

– Так мы же в нашей деревне и есть!

– Когда вырастешь, в город переедешь. Над тобой там смеяться будут.

– Не поеду я ни в какой город! Как вырасту, с батей рыбалить буду! На *этом* месте!

– Ты почему, кстати, не в школе?

– Карантин у них. Полкласса гриппуют, – отвечает за Матвея отец.

– Надька моя тоже третий день с температурой, а я ничего. Во! Лучшее средство! – Из пятнистого бушлата Прилуцкий достает фляжку с выгравированной пятиконечной звездой, раскручивает, делает глоток и самодовольно икает коньяком. – В школе-то нравится?

– Не нравится!

– А чего так? Читать-писать научат.

– Я и так умею!

– Дашка его научила, летом занимались, – говорит отец.

Дядя Борис Прилуцкий – майор, артиллерист. В Малые Уды они с тетей Надей приехали из Пскова ухаживать за тети Надиной матерью. Когда она умерла, остались тут, и открыли ларек вместо магазина, который хулиганы разломали еще до Матвеева рождения. Квартиру в городе они оставили младшему сыну.

Во всех Малых Удах у дяди Бориса одного есть настоящий, импортный спиннинг, а теперь еще по почте из Китая прислали рыбогляд. Прибор в оранжевом корпусе лежит на льду перед лункой, в воду от него тянется тонкий проводок.

– Это окуни?

– Или ерши, – подсказывает Прилуцкий.

– А это шука, наверное? – Матвей уже забыл, что сердился на дядю Бориса, и, сидя на корточках, тычет пальцем в самую жирную черточку на двухцветном дисплее.

– Стоит, чтоб ее!

Отец вместе с ними наклонился к эхолоту:

– Зимой шуку попробуй вытащить!

– Я на жерлицу хочу попробовать, – говорит дядя Борис.

В одной из лунок мелко задрожал оранжевый поплавок. Отец заметил это краем глаза:

– Дробит!

Прилуцкий вскакивает с маленького рыбацкого стульчика, хватая удище и коротким движением подсекает плотву. Рыбина бьется в его руках. Перед тем, как бросить ее в ящик, он ощупывает пузо:

– Икрыник.

Из другого отделения ящика майор достает цветную шкатулку с иероглифами, похожую на маленький сундучок. Внутри на белом мху извиваются кроваво-красные черви.

– Какие аппетитные они у тебя!

– Я вот как делаю, – объясняет Прилуцкий. – Беру кусок кирпича, толку очень-очень мелко и перемешиваю с землей, а перед рыбалкой на ночь червяков оставляю в этой смеси.

Майор закрепил на крючке вертлявую наживу и вернул удочку на подставку. Разогнул спину и замер, сощурясь вдаль. Староверы из Ящеров рядом со своим берегом нарубили лунки во льду, и теперь возились с сетью.

– Уловы-то у них в Ящерах, конечно... Природный феномен. Недаром так за свой участок держатся. Экспедицию бы к ним биологическую снарядить, да они не пускают никого.

– Приезжал какой-то ученый в советское время. Правда, не биолог, а то ли историк, то ли тот, который песни со сказками собирает.

– Говорят, деверь твой, Андрюха, к ним ночью на пристань лазил. – Прилуцкий вопросительно смотрит на отца.

Тот сделал вид, что не услышал вопроса.

– Ершонок, ты удить будешь?

Матвей как замороженный не может оторвать глаз от эхолота. Отец отмеряет три коротких шага от крайней лунки Прилуцкого, снимает ящик с плеча и долго расчищает валенком снег.

Старая пешня им досталась в наследство от Матвеева деда, царство ему небесное. Ржавая, но зато тяжелая, такой нынче в магазине не купишь: Матвей ее только двумя руками поднимает, а одной – никак. От удара железа о лед над расчищенным кругляшком взмывается фонтан хрустальных брызг. Черточки на сером экране эхолота бросаются врассыпную.

– Любава, а правда, что у вас, старообрядцев, говорят: «кто чай пьет, тот отчаивается»?

– Это, может, у поповцев или единоверцев так. У нас – нет.

– И чай пьете?

– Славичи пьют, они любят. А у нас дома – квас.

– А мяса за что не едите?

– Зачем зверей губить, коли Бог рыбы сколько надо дает?

Помянув Господа, Любава перекрестилась рукой в вязаной рукавице с геометрическим орнаментом из линий и ромбов с точками. Во второй руке она несла лукошко с продуктами: сумки у староверов были не в ходу. Андрей Евстафьев предложил было ей, беременной, помощь и потянул из рук корзину, но она вцепилась в нее с такой силой, как будто тот был разбойник с большой дороги.

– А отец Власий говорит, это потому, что у вас вечный пост до Второго пришествия. Зато и вина не употребляете.

– Про пост это он, наверное, сам выдумал, – она впервые за время разговора улыбнулась, но так и не повернула к Андрею лица. – А вина не пьем, потому что грех.

Он шел вместе с Любавой от ларька Прилуцких. Вместе они миновали Парамоновский двор и развалины сельповского магазина.

– Може, и мне к вам в артель устроиться? Только пить брошу сначала, – он улыбнулся ей, по привычке не разжимая губ. Зуба спереди у него не было, и в город давно надо было ехать вставлять, да денег бы еще кто на стоматолога дал.

– Это вам надо со Святовитом Михалаповичем договариваться, он – директор в артели, – отвечала Любава серьезным тоном.

Они уже подходили к развилке, когда за спиной раздался крик:

– А-андрюх!

Попрощавшись с Любавой, он повернулся и понуро побрел назад по дороге. Сестра Машка в дворовой куртке и вязаной шапке с набившейся соломой ждала его за своим забором.

– Ты на кой за девкой замужней увязался?! Богуслав узнает – что скажет? У них строго с этим!

– Да я ж без всякого. Так, думаю, познакомиться надо получше, про обычаи вывести. Хоть и веры другой, а соседи. Вон и батюшка Власий твердит: возлюби ближнего своего, –

добавил Андрей с усмешкой. – А к нам, считай, ближе и нет никого. С Волженца разве, так те через реку.

– А в Ящеры зачем ночью ходил?

– Ирка Христович рассказала?

– Да какая разница, кто!

Через забор Андрей трепал уши Мальку. Пес стоял на задних лапах, опираясь передними на поперечину ограды, вилял хвостом и пытался лизнуть ему пальцы. Нынче в этом Мальке пуда два веса, а когда-то помещался в две ладошки. Генка, зять, подобрал его прямо на реке, на льду. Бог знает, откуда щенок там взялся. Сунул в карман фуфайки и отнес домой. Выпавали его молоком из пипетки Машка с Дашкой, а имя придумал племяш, который тогда только начал говорить. До весны Малек рос в избе, а в апреле Машка сколотила из горбыля будку и поставила рядом с Боцмановой.

– Отстань ты от них, Андрюш! Пусть полиция розыском занимается.

– Они не делают ни хрена. Второй месяц пошел, Аленка каждый день им звонит.

– А ты, думаешь, луч... Ну-к дыхни!

Он нехотя подчинился.

– Времени и обеда нет!

– Да я только рюмашку, – Андрей пристыжено глядел на старшую сестру.

За неделю он наловил столько рыбы, что забил целиком морозилку и еще пакет оставил на улице, благо оттепели по прогнозу не предвиделось. В субботу продал всё, не считая плотвы, и после рынка поехал к Аньке на Завеличье. В прошлый выходной ее то ли дома не было, то ли пускать его не захотела, а в этот раз посидели, поговорили, да и... Отношения наладили, одним словом.

Вернувшись в деревню вечером, он по такому случаю заглянул к Ерофеевне, взял поллитруху и заодно рассчитался с долгом. С утра опохмелился тем, что осталось. Не стоило, конечно, бутылку допивать, но воскресенье было, на рыбалку он не собирался, хотел расслабиться.

– К Невзору, може, сходить за травяным чаем? Ирка Христович говорила, что ее Валерке помогло.

– Надолго помогло-то?! Во вторник заходил к нему мормышек занять, а он прямо в сенях на половике дрыхнет. Так и не добудился.

Андрей уже мысленно приготовился к ругани, и от Машкиного тихого и тревожного голоса делалось еще хуже.

– Почти три месяца, Ирка говорит, продержался. А до этого она и к наркологу, и к священнику какому-то в клинику его водила. Через два дня после этого священника запил. Только зря шесть тысяч отдала.

– Да при чем тут Христович? Я же по праздникам только, ну в выходные в крайнем случае.

– И на льду, – подсказала Мария.

– Чтоб согреться.

– Чаю возьми, чтобы греться. Термос, давай, тебе Генкин старый подарю?

– Есть у меня, спасибо, – сказал Андрей и отвернулся, чтобы больше не дышать на сестру.

– Всю жизнь здесь ловлю, а на зимовальную яму наткнулся, только когда эхолот в руки взял. Недельку вокруг лунки плясал. И мотыля, и тошнотика пробовал. За горохом даже к Машке ходил. Без толку. Тогда только драч взял.

– И сколько ты их натаскал?

– Троих лещей ровно, Господом клянусь! Из них одного Борису снес за то, что рыбогляд одолжил.

– Троих выловил, а поранил своей косой скольких?! То перемет растянешь, то острой щук бьешь. По-христиански это разве? Спасибо, до динамита руки не добрались, да лиха беда начало! А бурак?

– Юркин он был, я и не брал ни разу. Вот крест! – Андрей Евстафьев на неудобном диване в комнате у священника размашисто перекрестился.

Он взял бутылку с журнального столика, налил янтарного напитка сначала Власию, потом себе, оторвал от буханки ломоть и наложил сверху сала внахлест. Святой отец потянул с тарелки соленый огурец и вяло чокнулся с Андреем.

Власий нечасто исповедовал в храме, обычно приглашал в избу к себе, а точнее к Валентине Ерофеевне, где за великую благодарность снимал небольшую комнату. Пьющим предлагал самогону, чтобы шире, как он объяснял, раскрылась душа перед Господом.

Домашнюю исповедальню у Ерофеевны основал еще покойный отец Фалалей, прошлый настоятель церкви в Малых Удах. Тот по пьянке не держал языка за зубами и мог где за праздничным столом сболтнуть лишнего, отчего скоро ходить к нему перестали. Власий был не такой, умел хранить тайну исповеди.

Андрея он частенько бранил и мог наградить с воспитательной целью крепким нецерковным словом, но всегда делал это по-свойски и с христианской любовью. В этот раз он впервые злился по-серьезному, и Андрей догадывался, почему.

– Больше ни о чем мне поведать не хочешь?

О своей вылазке в Ящеры он болтанул по пьянке только Валерке Христовичу, тот, видать, своей Ирке передал, а она уже по всей деревне разнесла. Андрей вздохнул, помолчал еще немного и начал рассказ.

Было это неделю назад, в новолуние, Власия тогда в деревне не было: отдыхал он в своем Дионисийском монастыре в лесу. Андрей вышел из дому, когда в Малых Удах погасло последнее окно. Чтобы не встретить по дороге белую «Газель», выбрал путь по лесу напрямик. Шел с фонариком, но всё равно чуть не переломал ноги о валежник под снегом.

Времени был двенадцатый час. Фонари в Ящерах не горели, кроме единственного за частоколом на пристани. Если внутрь не заберется, то хотя бы сверху с забора рассмотрит всё хорошенько. Так он думал, но не успел подойти, как услышал голоса. Двое стариков шагали по большаку с дальнего проулка. Он затаился под забором, весь обратился в слух и боялся двинуться с места.

За двумя стариками потянулись остальные. Ворота пристани отворились и затворились опять. Из-за частокола слышалась нехорошая возня. Что-то говорили, но слов было не разобрать. Со двора мужики перешли в большую домину, которую Андреев тесть называл святыщем.

Он прижал ухо к бревнам и приготовился слушать, но, когда из-за стены заиграла музыка и раздался мужской хор, его вдруг обуял такой ужас, что ноги сами понесли по берегу прочь. В избе у себя он выпил столько самогона, что не помнил, как засыпал.

– Говорили вы, батюшка, что в этой домине они хранят сети и снасть, а молятся у себя в жилищах.

– Может, в обычные дни у себя, а по каким-то событиям и вместе собираются. Думаешь, много я об их вере знаю? В своей-то дай Бог разобраться!

– И на христианскую молитву это похоже не было. За стеной вроде гусли играли, и слова такие: «бьяш-бьяш-бьяш», а может, «яш-яш-яш». То ли телку зовут, то ли считалку считают. Еще мимо реки, когда обратно бежал, я вонь почувал.

– От испуга случается, – кивает отец Власий.

– Да не от испуга! А такая, как тесть рассказывал. То ли как сера жженная, то ли рыба тухлая или водоросли гнилые, а потом...

– Говорил я тебе, чтоб не лез к соседям?!

Андрей молча глядит на тарелку, где осталось еще несколько нарубленных ножом брусков толстого домашнего шпика.

– Вот что, Андрюш, я решил. Ни единого греха тебе больше не отпущу. Гори в аду!

– Да есть ли тот ад, батюшка?

– А вот и узнаешь! – Власий делает злорадное лицо.

– Еще кое в чем признаться хотел, да уж не буду, наверное.

– Да и не надо! Какой прок с этих исповедей? Сами себе душу облегчите – да по новой грешите, а мне только слушать! Видит Бог, тяжек крест службы приходской. Давно в монастырь к братии сердце просится.

– Только на той неделе вернулись.

– И напрасно, как Бог свят.

Андрей берет со стола бутыл. Власий обиженно прикрывает свою рюмку ладонью.

– Ничего, что закурю?

– Кури, Бог с тобой.

Андрей поискал глазами и не нашел жестяную крышку от банки с огурцами, которую видел только что и собрался использовать вместо пепельницы.

– Сам-то не хочешь к нам в обитель?

– А со скуки не помру? Дела там у вас никакого.

– Господу служить не дело что ль? – Тихо возмутился священник. – Заутреня, вечерня, по праздникам еще отдельные службы. В остальное время отдыхаем, беседуем: словами промеж собой, а в мыслях – с Богом.

– Если так хорошо в монастыре, то что же сами там не останетесь?

– А приход я на кого оставляю? Тесть твой, смотри, как постриг принял, про Малые Уды и не вспоминает.

– А что у него в Малых Удах осталось? Теща померла, Анька в городе.

– Не в том дело, – сказал Власий.

– Летом комаров, небось!..

– Ни одного! Семь верст исходил преподобный Тарасий по лесу, чтобы место для обители выбрать. Воздух лесной. Птички Божии поют. Рядом озерцо.

– А в озере рыба есть?

– Не проверяли. Зато скажу, что родник в это озерцо впадает благодатный. Каждое утро, только проснемся, всей братией к нему напиться спешим. В городе такой водицы нет.

– При чем тут город? Будто я в Псков когда собирался?

– А что, думаешь, Анька к тебе в Малые Уды воротится?

– Говорила, что согласна.

– Сегодня согласна, а завтра опять шлея под хвост попадет. Сам ты сколько раз на исповедях мне жаловался: то ей не так, се не эдак. Недаром сказано: баба как горшок, что ни влей – всё кипит.

– Не жалуете вы, батюшка, дамский пол, – усмехнулся Андрей.

– Упаси Господь! – Власий отрывисто перекрестился. – Истинно тебе говорю, сама по себе баба, отдельно взятая, ничуть мужика не хуже. Но только, ежели прилепится к тебе, жди горестей великих.

Андрей чокнулся со святым отцом, выпил и, вместо того чтобы закусить, сделал глубокую затяжку. Крышки он так и не нашел и стряхнул пепел в банку с рассолом, откуда перед этим отец Власий выловил последний огурец.

III. Март

Во времена рыбхоза промышленный холодильник им был не нужен. Выловленную рыбу каждый день возили в Псков на большой лодке с мотором, которую водил старый Святослав Родич, дед Святовита. У них же, Родичей, в подполе держали и пьяниц, а старинный ледник у реки общинники использовали под свои нужды.

Когда Союз стал разваливаться, о продажах пришлось думать самим. Разжились грузовичком, построили морозилку – плоское кирпичное здание с дверью в несколько слоев стали. Вертелись как могли. Что-то возили в Ленинград, который потом стал Санкт-Петербургом, что-то – в Прибалтику, немного получалось сбывать псковскому общепиту. Нынче прав на лодку в селении ни у кого не было, да и саму лодку продали, разобрали старый причал, и от пристани осталось одно название.

Михалап Родич, сын Святослава и отец нынешнего старейшины Святовита, не хотел держать у себя в избе пленников. Старики на сходе согласились с тем, что это опасно, и нужно оборудовать отдельное помещение. В каждом доме тогда уже стоял холодильник, и старый общинный ледник переделали в темницу.

Спускались туда теперь через морозильную камеру, люк был в полу. Днем компрессора было не слышать, но ночью он гудел на всю пристань. Из трубы под крышей капал конденсат, от которого снизу вверх росла толстая сосулька.

Стоян Славич прогулялся вдоль частокола, достал из тулупа часы на цепочке. Был шестой час утра. Он собрался вернуться в сторожку и еще подремать, но тут услышал с дороги шум автомобиля и пошел отворять ворота.

На пристань въехала белая «Газель». Через шум мотора он различил глухие удары по кузову изнутри. Богуслав заглушил двигатель и выбрался из кабины. Грохот теперь слышался громче.

– Буянит? – спросил Стоян.

– Проснулся, как Полены проехали.

– Пойду будить Святовита, – обреченно вздохнул стражник.

Улица шла под уклоном вниз, а фонари, как водится, погасили еще с вечера. По пути к избе Родичей он так лихо поскользнулся, что только чудом не переломал старые кости. Когда старик постучался в калитку, Кошей поднял лай и разбудил Невзоровых собак. Нескоро с крыльца, зевая, спустился Святовит Родич.

Когда вдвоем они дошли до пристани, он оставил Стояна запиравать ворота, а сам пошел в амбар и вернулся назад с оружием. Себе Святовит взял старинный кистень, а сыну вручил шест в сажень длиной с рогаткой на конце, острия которой были заточены и обожжены для крепости.

Старший Родич подошел к «Газели» и прислушался к тишине из кузова. Пьяница то ли заснул, то ли почуял недоброе и затаился.

– Где подобрал?

– В Шабанах, перед мостом, – ответил Богуслав.

– Я, молодой, до рассвета, бывало, пол-области объезжу. А тебе лишь бы схватить первого, кто под руку попался, да домой поскорей! – Заругался старейшина на сына. – Как с Юркой этим проклятым!

– Он мне сам, считай, под колеса вывалился. Еле в машину запихал.

В кузове раздались тяжелые шаги. Святовит махнул рукой на сына, чтобы тот замолчал, и приложил ухо к белому железу.

– Говорил тебе переростков не возить?!

– Думаешь, бать, они по району на выбор разложены, как овощи в магазине на прилавке?! Попробуй и такого найди! Зато теперь до июня запас есть!

– До какого июня! Тот, что с Пиявина, сколько ни съест, всё обратно выходит, мне и сразу-то не понравилось, что он желтый такой. Второй тоже вялый: боюсь, месяца не протянет.

Вместе с Родичами у двери фургона стоит старый Славич. Глава общины жестом приказывает ему отойти и дергает вниз шпингалет.

– Выходи! – Приказ сопровождается грозный удар рукояткой кистеня по железу.

Подождав с минуту, молодой Богуслав свободной рукой тянется к ручке.

– Куда?! Сам пусть вылезает! Стоян, холодильник включи!

Старик послушно полез в кабину. К гулу морозильной камеры на дворе прибавился шум рефрижератора. Сын с рогаткой встал с другой стороны двери, напротив от отца.

Без предупреждения дверь распахнулась с железным грохотом. Святovit взмахнул кистенем. Шипастая булава просвистела в воздухе в полувершке от уха пьяницы.

Второй возможности у старейшины не было. От удара пудовым кулаком в лицо он валится навзничь на слежавшийся снег.

Младший Родич успел распороть обожженным штырем куртку врагу, но теперь не понимает, как оказался на земле, и почему оружие лежит в двух шагах от него. Он тянет руку к рогатке и не может дотянуться. Пальцы силача стиснули горло.

Придавленный тушей весом раза в полтора большим, чем его собственный, молодой Родич как рыба разевает рот на снегу. Старый Стоян суетится по двору. Заметив примерзший камень, пытается оторвать его ото льда.

Богуслав не видел, как отец ударил пьяницу, и только почувствовал толчок, который передался ему от тела сверху. Пальцы на шее обмякли.

У старшего Родича из разбитого носа сочилась юшка. Младший с трудом поднялся на ноги и с размаху пнул тяжелым ботинком бесчувственное тело.

– Вконец сдурел?!

Он во второй раз занес ногу, но не успел ударить. Отец двинул ему под ребра с такой силой, что Богуслав едва устоял на утоптанном скользком снегу.

Стояну Славичу подумалось, что сын сейчас бросится на Святovита с кулаками, но тот лишь с ненавистью посмотрел на отца и отвернулся.

– Ну что ты, Божик, не со зла он. Пьяницы тоже жить хотят, – примиряюще забормотал старый Славич.

Богуслав гневно обернулся к нему:

– Чуть не удавил, винопийца!

Только сейчас старик опомнился и выбросил камень, который ему удалось все-таки отковырять от земли.

Поверженный исполин хрипел под ногами и распространял хмельную вонь. По низкому, как у обезьяны, лбу стекала черная в свете фонаря струйка крови.

Втроем тело перевернули на живот. На снегу под головой пьяницы осталось кровавое пятно. Старейшина достал из кармана шубы веревку и разрезал ее рыбацким ножом. Вдвоем с сыном они связали сначала кисти, а потом лодыжки пленнику, поднатужились и подняли тело в воздух. Стоян Славич побежал вперед отпирать холодильную камеру.

– Шкарин Алексей Викторович в ночь с 8-го на 9-е покупал у вас спиртное?

– Какое спиртное?

– Обыкновенное.

– Самогон что ли, не пойму?

– Бодягу вашу, Оксана Петровна! – Потеряла терпение молоденькая палкинская участковая.

Девушка сидела вместе с двумя операми на диване в комнате перед изящным столиком из черного стекла. Напротив в кресле устроилась в халате белокурая, с приятной полнотой хозяйка дома, Оксана Петровна Корчмарь 1978 г. р.

– Что за бодягу? Самогон гоню, это да. Для себя. Не скрываю. Законом давно уже не запрещено.

– Может, надзорные органы из Пскова на ваш алкомаркет пригласить посмотреть? – Копьев демонстративно приняхался. – Статья 171, ч. 3. Незаконное производство спиртосодержащей продукции. До трех лет.

– В том месяце ОБЭП приезжал, нарушений не нашли. Полковник Ильмень, знаете, может, такого? – Озвучив фамилию начальника областного ОБЭП, она с вызовом уставилась на лысого майора. – Прошлой зимой, когда Юляшка Котова пропала, что же вы не посадили Шкарина своего? Теперь ищи ветра в поле!

– Без тела ничего не предъявишь.

– А когда нашли ее...

– Она всю зиму под снегом пролежала, экспертизу было не на чем проводить, – к удивлению Ивана Сабанеева, майор Копьев вдруг перешел на доверительный тон. – По уликам – ноль, только на чистуху расчет был. Но на допросе он не раскололся.

– Так допрашивали, значит!

– В следующий раз вас пригласим, – встала с издевкой участковая.

Лейтенант Иван Сабанеев перед выездом успел коротко изучить дело годичной давности. Восемнадцатилетняя Юлия Котова в прошлом феврале вышла вечером из дому в Шабанах и не вернулась. Тело, а вернее то, что осталось от него, обнаружили только в апреле. Причиной смерти экспертиза назвала перелом шейных позвонков и зафиксировала, кроме этого, многочисленные переломы конечностей, ребер, костей таза.

Шкарин имел за плечами десять лет строгача за изнасилование и убийство с аналогичным почерком. Преступление он совершил в Пскове, где вел бродяжнический образ жизни. Отпущенный на условно-досрочное, убийца вернулся в родные Шабаны, и здесь коротал дни в пьянстве вместе с матерью-алкоголичкой. Когда нашлось тело Юли Котовой, Шкарина увезли в городской СИЗО, чтобы после недели допросов отпустить ни с чем.

Для того чтобы установить за ним административный надзор, внятных юридических оснований не было, но судья пошла на уступки. За год без малого Шкарин ни разу не нарушил режима, и оставшийся срок уже подходил к концу. Когда в положенный день он не явился отмечаться в райцентр Палкино, участковая сама поехала к нему в деревню. Дверь избы открыла пьяная мать и заявила, что не видела сына уже три дня. Тогда к делу подключился областной угрозыск.

Полицейские опросили ближайших соседей и втроем направились к Оксане Петровне, которая, по словам участковой, снабжала алкоголем всю Новоуситовскую волость. Начинала с домашнего самогона, но уже давно ей привозили бодягу в канистрах.

Ламинат, натяжные потолки, стеклопакеты, мебель из натуральной кожи и паровое отопление вместо печи – судя по обстановке в неказистом при взгляде с улицы домике, розничная торговля шла неплохо. Хозяйка глядела в экран метрового телевизора, где беззвучно двигали губами участники идиотского политического ток-шоу в дневном повторе. Троица полицейских на диване напротив нее терпеливо молчала.

– Приходил он. Часа в три ночи, – заговорила она наконец. – Поллитровку взял в долг. Всегда в долг берет. Как освободился, так ни разу, ей Богу, денег от него видала. Да такому и дать спокойней. Особенно, как Юльку нашли. Двое ребят вон, – она обернулась на дверь, из-за которой были слышны детские голоса, – не обеднею я с этой пол-литры.

– Он был пьяный?

– Еле на ногах держался. 8 марта, видать, с матерью отмечал. Говорят, что он с ней... Да слухи, может. – Копьев испытующе поглядел на нее, но переспрашивать не стал. – Окошко в заборе закрыла за ним, и, уже когда на крыльцо поднялась, машину услышала, – продолжала женщина. – Остановилась на дороге, постояла минуты две, не больше, тронулась. Я поняла, что за ним приезжали.

– Что за машина?

– Фургон. Белый.

– А марка?

– Я не разбираюсь, да из-за забора не разглядишь. Темно к тому же было, – хозяйка поправила халат на пышной груди и бросила взгляд на пустой столик, в стекле которого отражался телеэкран. – Чаю, может быть?

– Спасибо, мы спешим.

– Можно и покрепче что, – осмелела самогонщица.

Майор ответил ей ледяной миной.

В прихожей на шелковый матово-синий халат Оксана Петровна накинула зимнюю куртку. Вместе с ней полицейские вышли на двор, огороженный забором из профнастила, в котором рядом с калиткой специально для покупателей было вырезано окошко со шпингалетом.

Дом ее стоял ближним к мосту через реку Великую, которая здесь была раза в полтора уже, чем в Пскове. За мостом раскинулось до самого горизонта снежное поле, где прошлой весной в неглубокой яме нашли останки невинно убиенной Юляшки Котовой.

Корчмарь повела их в противоположную сторону, от моста к деревне, и остановилась там, где заканчивался ее темно-красный забор.

– Вот здесь машина остановилась, напротив братской могилы.

От места на дороге, куда указывала женщина, Сабанеев перевел взгляд на небольшой памятник на обочине. Памятник был современного вида. От тех, что ставили на кладбищах, его отличали только три бледно-розовые звездочки треугольником на траурном мраморе. На старом весеннем снегу перед ним ярко алели две искусственные гвоздики.

– В последние годы существенно выросла помощь семьям с детьми со стороны государства. Этого недостаточно?

– Пособия на детей у нас до сих пор мизерные, а маткапитал платят не дальше, чем за второго ребенка. Начиная с третьего, уповать приходится только на себя и на помощь добрых людей. Многодетные семьи, даже полные, часто обречены на нищенское существование. И это в Пскове. Что уж говорить про село?

– Вы сказали «даже полная»?

– Среди наших подопечных немало матерей-одиночек. Есть и такие, у кого мужья находятся в местах заключения и не могут обеспечивать семейство.

По экрану побежали помехи. Алена Семенова поднялась с дивана поправить антенну, но, чем больше она крутила телескопические рожки, тем сильнее рябило.

– Паш!

Сын отложил телефон и поплелся к телеку.

В городе у Семеновых был свой телевизор: с плоским экраном, современной корейской марки. Забрали его, когда они не могли больше платить за рассрочку. Три месяца оставалось. Но разве им докажешь что? Юрка, дурак, отношения выяснять полез. Так они полицию вызвали. Скандал на весь подъезд был.

Старинный телевизор советских лет в деревянном корпусе достался им в наследство от покойной Алениной матери. Он принимал на комнатную антенну две программы, да и те, что называется, со снегом. После федеральных новостей, которые Алена старалась не пропус-

кать, показали псковские. За ними включили местную передачу. Гостем студии с сине-золотой панорамой Псковского кремля на заднике был отец Александр, глава православного фонда «Верочка», который он вместе с каким-то архиереем учредил для помощи детям из малообеспеченных семей.

– *Нуждающиеся нуждаются во всём. На финансовые пожертвования мы покупаем одежду для детей, канцтовары в школу, бытовую технику, и, конечно, продукты питания. На руки фонд денег не дает. Это для нас строгая заповедь, если так можно выразиться.*

– *Опасаетесь нецелевого использования?*

– *Истинно так.*

– *А вопрос с постоянным помещением по-прежнему открыт?*

– *Еще летом мы писали в городскую администрацию. Чиновники предложили два варианта, но они оба нас не устраивают по расположению. С благословения епархии офис фонда временно размещен в храме равноапостольной княгини Ольги Российской.*

Лица ведущей и отца Александра исчезают с экрана. Появляется притвор храма, где напротив церковной лавки стоит стол с компьютером. Из-за компьютера с приветливой улыбкой выглядывает крохотный человечек в монашеской рясе. Его представляют как Нектария, инока Мирожского монастыря. В фонде «Верочка» он трудится на добровольных началах: ведет документы, развозит по деревням посылки вместе с отцом Александром, в офисе принимает помощь от жертвователей.

На плакате слева над его головой мальчуган, миленький как куколка, тянется к плюшевому медвежонку, которого дарит ему некто в белых одеждах. Видны только руки дарителя в белых рукавах, а сам он прячется за краем плаката, где небесно-голубой фон переходит в сияюще-белый, и белые рукава как бы растворяются в нем.

Камера наезжает на слоган церковнославянскими буквами. *Будьте щедры, как Господь ваш щедр...* Обычным шрифтом помельче под слоганом указаны реквизиты для богоугодных пожертвований. Ящик для наличных висит на стене напротив.

– *Наверное, заявок на помощь в «Верочку» поступает немало. Не могли бы вы рассказать нашим зрителям, по каким критериям происходит отбор?*

– *Первым делом мы выезжаем к людям и знакомимся лично. Беседуем со священником, если семейство воцерковленное. Иногда с соседями. Транспорта, надо признаться, у нас тоже нет. Выручает личный автомобиль и помощь волонтеров.*

– *А взрослым «Верочка» не помогает?*

– *Видит Бог, мы хотим помочь каждому, но ресурсы фонда не безграничны.*

Во втором сюжете показали мать-одиночку пяти детей, беременную шестым. Жизнь семьи, говорила она, кардинально изменилась после того, как Господь ее свел с отцом Александром. Не врала, это точно. Ремонт и мебель в деревенском доме, где у ней брали интервью, были богаче, чем у Алены, а дети – все в новом.

Пашка поднял глаза от смартфона:

– Группу их «ВКонтакте» открыл. Шмотки на раздачах нормальные попадают,

– Бабушка в гробу перевернется, если мы побираться начнем!

– Там и бренды есть. «Пума».

– Тебе самому в школе не стыдно будет?

– За «Пуму»? – Удивился сын.

– «Авито» лучше погляди. Ничего не пишут?

– Глядел. Глухо.

В январе Алена дала ему задание разместить объявление про коз. По цене судили долго. Пашка уговаривал поставить повыше: авось найдется какой дурень. Она послушалась, и зря: пока ждали ответа, сенник опустел. Теперь, если цену не скинуть, то на корм занимать придется. А у кого брать? Машка Парамонова не даст: дочку в университет готовит, да и три тыщи

Алена с начала года ей так и не отдала. Прилуцкие, может быть, не откажут, но у них с отдачей строже, чем в банке, еще и проценты заплатишь. Упущенная выгода, могли бы деньги на вкладе держать – так Надька ей объясняла.

За окном смеркалось. Двойняшки в одинаковых китайских комбинезончиках, из которых вырастут не сегодня-завтра, возились в рыхлом сером снегу на дворе. Алена высунулась в форточку:

– Вов! Алис!

Дети дружно задрали головы.

– Домой дуйте! Синие уже оба!

Она пошла к печи подложить дров, потом вернулась на диван и снова уставилась в экран с рябью, где уже появилось крупным планом лицо красивого актера, игравшего Григория Мелехова. Только из-за него глядела она сериал «Тихий Дон» во второй раз. На другом канале шел футбол, который теперь, когда Юрка пропал, Алена не могла смотреть без слез, хотя и при Юрке-то, надо сказать, не любила.

Он, конечно, сам разбаловал Златку: то шоколада с города привезет, то заграничных пукатов. Это в его детстве магазинных сладостей в селении не водилось: ребятня мед ела, да еще старухи лепили конфеты из тли. Молодежь морщится, но не зря и муравьи тлю доят, и пчелы молочко тлиное вместе с нектаром для меда своего собирают. И сладенько, и сытно, и, главное что, никакой химии.

– Дай шоколадку!

– Откуда я тебе ее возьму?!

– Я в сундуке видела! – Злата с вызовом глядела в лицо Святовиту, на котором после недавней ночной стычки с пьяницей выделялся нос, распухший и синий, как спелая слива.

– Пока уху не съешь, не будет шоколада.

– Не хочу уху!

С притворно грозным видом Святовит занес кулак:

– Ешь!

– Не буду!

Он двинул кулаком по столу и случайно задел и отправил на пол миску с ухой. Спасибо, не на штаны!

Девочка прыснула со смеху. Любава, которая до сих пор с улыбкой наблюдала за ссорой, поспешила на кухню, неся перед собой беременный живот.

– Как придет в следующий раз отец Власий, отдам тебя ему! Пусть пьяницы разносолами тебя потчуют! Хочешь с пьяницами жить?

Любава с тряпкой и тазом полезла под стол. Старейшина, чтоб не мешать ей, подобрал ноги под скамью. Злата продолжала смеяться:

– Хочу!

– Вот и пойдешь. А мамка твоя, заместо тебя, нам мальчика родит. Глядишь, не такой нехочуха будет.

Время шло. Любава не вылезала. Святовит, кряхтя, нагнулся под стол:

– Что ты там возишься?

Любава, стоявшая на коленях в полумраке, сама не могла разобраться, что происходит. Несколько раз она выжала тряпку в таз, но лужа вокруг нее только росла. Юбка насквозь промокла.

Следом за мужем вниз свесилась Умила и сразу всё поняла:

– Воды отошли!

Вдвоем они забрались под стол, подняли под руки и отвели к семейной кровати роженицу, которая норовила провалиться в обморок. Сын Богуслав молча закончил есть и пошел растапливать баню.

Святовит дождался, когда пройдут первые схватки, принес валенки из сеней и напялил их на выставленные с постели ноги Любавы.

– Одна-то доведешь ее? – Беспокоился он. – Может, мне одеться?

– Сиди, сами управимся!

Перед выходом Любава обернулась и вымученно улыбнулась ему.

Общинная баня, к которой держат путь женщины, стоит на дальнем краю села, у реки. Дрова успели прогореть, дыма не видать и, только приглядевшись, можно заметить, что над каменной трубой еще парит, словно нечистый дух, тонкая черная дымка. Умила оставляет ее у подножья крыльца держаться за перила, а сама поднимается к двери, вставляет ключ в скважину и всем весом вдавливая его в русский замок.

Внутри она первой раздевается и помогает Любаве стащить через голову платье. Из предбанника две обнаженные женщины заходят в г-образное помещение, где вдоль стен двумя ярусами тянутся полки. Печь в углу сложена без раствора из речного известняка. Свет дают такие же, как в избе Родичей, точечные светильники в потолке.

Роженица в дальнем, женском закуте улеглась на полок и согнула ноги в коленях. Воздух в парилке горячий и душный. Во рту – горечь. Она шарит пальцами по скользкому дереву, пока к губам не подносят кружку со студеной водой из колодца.

Над Любавой появляется лицо повитухи с острым подбородком и хищным носом крючком. Потемневшие от влаги каштановые волосы прилипли к шее. Маленькая грудь поднимается при каждом быстром вздохе:

– Вот так дыши, помнишь?

Она дышит, как приказывает Умила. Из жара Любаву бросает в озноб, а из озноба – в жар. Опять начинаются схватки.

– Тужься!

Новорожденному младенцу Умила отсекает пуповину одним точным взмахом ножа. Мать силится приподнять тело и хотя бы одним глазком взглянуть на дитя, но повитуха уже с головой замотала его в полотенце, расшитое квадратами и ромбами.

С ребенком в обнимку и ножом в руке она исчезла из виду. Плач стал тише. Ребенок как будто засыпал, и потом заснул.

Свет уже не слепил Любаве глаза. Дышать стало легче. С потолка роженица перевела взгляд на окно, потом на застеленную Богуславу кровать. Она попыталась, но не смогла вспомнить, как оказалась в избе. Время шло к обеду, но в доме стояла тишина. Даже Златки было не слышать. Она стояла за столом и сжимала в руке нож – но не обычный кухонный, а древний, с ручкой из обожженной древесины и треугольным лезвием, которым Умила только что при ней орудовала в бане. Хлеб лежал на столе. Она отрезала и сложила на тарелку несколько ломтей к обеду, и вдруг с отвращением заметила, как что-то копошится в хлебной мякоти. Ужель черви? Ее затошнило.

Из буханки вывалилось существо с палец толщиной, и она поняла, что ошиблась. Это был человек, а точнее, его часть. Половинка крохотного мужичка в драной деревенской фуфайке ползла на руках по столешнице и подтягивала за собой брюшко, за которым тянулись розовые внутренности.

Второй был одет в такую же рвань, и ноги у него были отсечены ножом по колено. Он вывалился из буханки на стол, вскочил на свои обрубки и побежал к краю, оставляя за собой на дереве пунктир кровавых точек и оглашая воздух писклявыми матерными воплями.

Мякоть на разрезе стала бурой от крови. Всё новые и новые человечки появлялись из надрезанной буханки и расплзались по сторонам.

Вдруг за спиной раздался глас, похожий на трубный рев:

– Любава!

Пальцы у девушки разжались, нож бесшумно скользнул на пол.

– Любава! – Повторил голос.

Она обернулась и замерла с приоткрытым ртом. Дверь была распахнута настежь, снаружи в избу лился яркий белый свет. На пороге в сияющем ореоле стоял прекрасный и статный юноша с парой белоснежных крыл за спиной. Сам он тоже был одет во всё белое.

– Любава! – Благозвучно проревел в третий раз ангел.

В груди у Любавы всколыхнулось незнакомое и возвышенное чувство. Она постояла еще немного, набираясь решимости, и, набравшись ею, шагнула к свету.

IV. Апрель

– Хлебца мне, Надюш. Да батон... – Под расцарапанным прозрачным пластиком на вкладыше кассовой тарелки нарисованы зеленые купюры веером: пятьдесят, сто, двести долларов, всё крупный номинал. Алена Семенова отсчитывает монеты из отделения для мелочи в своем кошельке, кладет на тарелку последний рубль, и только тогда понимает, что не хватает.

– Потом занесешь, – подсказывает Надька Прилуцкая. – Или батон не бери вон.

Крыша богатого дома Прилуцких торчит из-за глухого забора, в который вмонтирован деревянный ларек. В 90-е годы ларек стоял в Пскове на одной из автобусных остановок. Теперь вместо жвачки, пива и сигарет на полках – пищевые товары первой необходимости: соль, сахар, крупа, хлеб, булка, да по два вида печенья с конфетами.

– Може, на следующей неделе, если...

– На следующей, так на следующей, – с недовольной миной обрывает Надька и спрашивает: – Тебе, Ален, доплату в собесе назначили?

– Документы приняли. Срок рассмотрения у них – сорок дней. С голоду быстрее помрешь, чем подачки дождешься. Да и деньги такие, что только на хлеб и хватит. Без батона, – Алена озвучила сумму, которую ей насчитали в собесе, Прилуцкая закачала головой. – А одежда?! А вещи?! В этом году, вместо одного, троих в школу собирать!

– Может быть, тебе в какую-нибудь благотворительную организацию обратиться? «Верочка» есть в Пскове, не слышала? Православный фонд. Деньги с вещами от верующих получают, помогают многодетным и матерям-одиночкам. Директор – священник из Ольгинской церкви на Новом Завеличье. Серьезный. Там же, в церкви, у них и офис.

– Я про них передачу в том месяце видела и тоже подумала, – призналась Алена. – К отцу Власию посоветоваться пошла. Он говорит, что у всех этих Христа ради благодетелей принцип простой: на, Боже, что нам негоже. А «Верочка» вдобавок к каждой распашонке сраной еще десять моралей приложит, так прямо и сказал. Фотографии всех, кому помогают, в интернете выставляют. Еще про священника, директора ихнего, рассказал, что в тюрьме он раньше служил.

– И что с того, что служил? Так говоришь, будто сам сидел! Власия нашего, как ни послушай, в городе все священники – один другого хуже. А сам-то!

– Ну, может, и правда, съезжу. Только вот что думаю... – Алена не договорила и обернулась к улице.

По расхлябанной дороге к ларьку шлепала в калошах Любавка из Ящеров с плетеным лукошком. Одета она была в простенькое бежевое пальто, на голове – серый платок.

Семенова прищурилась:

– Родила никак?

Хозяйка ларька высунулась в окошко:

– Родила.

Когда Любава подошла, она натянуто улыбнулась:

– Мальчик? Девочка?

– Мертвенький родился, – ответила староверка без выражения.

– Прости, – Прилуцкая теперь тщетно пыталась состроить трагическое лицо, но Любава даже не поглядела на нее и достала кошелек из корзины.

– Латвийского, пожалуйста, две буханки и батон горчичный.

Надежда сняла с полки и протянула ей одну за другой буханки через окошко, потом достала откуда-то снизу булку в прозрачном пакете.

– А батюшка Власий, вы не знаете, в храме у себя?

– Не видала. А зачем тебе? – Надежда неторопливо отсчитывала сдачу.

– Меда для Никитки наш Невзор велел ему передать.

– Так ступай сразу к Ерофеевне, тебе до церкви отсюда – через всю деревню идти.

– Я к нему лучше.

Любава поблагодарила ее, сложила снедь в корзинку и пошла дальше по дороге, как указала ей Надежда.

– Только для староверов этот хлеб дорогой вожу, – сказала Надежда вполголоса, глядя Любаве вслед. – Остальные, кто ни придет, мирожский берут. Да Ерофеевна багет еще покупает по праздникам. Раньше хоть с Волженца да с Атак зимой по реке ходили, а теперь у них «Пятерочка» своя рядом. Хоть павильон закрывай.

Во всей деревне только Прилуцкие называли павильоном свой ларек, который достался им в свое время от городского коммерса. Коммерс был Борисов товарищ по дивизии, тоже офицер. Друзья у них все такие, как на подбор, с простыми не водятся: ни он, ни Надька с тех пор, как из Лаптевой Прилуцкой стала.

Когда еще закон разрешал, они и пиво с водкой здесь пытались продавать, но только всё равно к Ерофеевне местные за самогоном бегали, они и забросили. Ясно, что Ерофеевна мужиков спаивает, да хоть недорого, и не травится никто. Вон Пиявино взять: Бог знает, что за спирт такой им завезли, что теперь всей деревней желтые ходят, соседи одуванчиками за глаза зовут.

– Второй год уже, считай, на бензин работаю, – жаловалась Надька. – Что есть бизнес, что нет.

– У твоего Бориса зато военная пенсия, а не минималка, на двоих хватит, – Алена отвернула взгляд к улице. Староверка в платке уже поравнялась с забором Дубенков, за которым сиял свежей краской цвета яичного желтка стариковский домишко.

– С Богуславом они двоюродные брат с сестрой, зато и дети мертвые родятся. В нашу молодость вон и Елдичи были, и Сварожичи, а теперь на всю деревню три фамилии. А изб-то сколько осталось? Шесть? Семь? Глядишь, так и выродятся скоро.

– И дай Бог! – Со злостью прошептала Алена. – Может, и не при чем тут Богуслав? Когда Любавка к Родичам в дом перебралась, ему лет четырнадцать было. Нужен такой взрослой девке?

– Да мало ли! В старину все рано женились, и не по любви, а по стовору между родителями. Они же у себя обычаи блюдут.

– Михалапа, отца Святовита, вспомни: с двумя сестрами жил.

– Говорят, что младшую Сияну он уже беременной взял. Будто от цыгана заезжего...

– Видал кто цыгана этого? – Алена не смотрела на Прилуцкую и взглядом еще провожала староверку. На ее глазах за желтым домиком девушка свернула к реке.

В этой части Малых Удов Любаве бывать еще не приходилась. Дома по обе стороны улочки стояли с заколоченными дверьми и окнами; в теплицах, что еще не развалились, были побиты стекла. Ни людей, ни птичек, которые всю дорогу сопровождали ее радостным весенним пением, здесь было не слышать, и только с Великой доносился тревожный шум ледокола.

Всю дорогу ориентиром ей служил железный крест, которым был увенчан единственный купол церкви святого Дионисия в Малых Удах. Второй крест она увидела на церковном дворе. Он стоял на зеленом холмике и был вырезан из цельной плиты известняка. Имя легендарного основателя прихода, местночтимого преподобного Тарасия, было выбито на сером камне славянской вязью.

Любава остановилась перед входом в деревянную церковь и задумалась, нужно ли стучать или нет. В конце концов решила, что не нужно. Приоткрыла дверь и юркнула в темный притвор.

В дальней части храма перед иконостасом священник беседует с прихожанином, в котором девушка узнает местного пьяницу Андрея Евстафьева. Заметив ее, мужчины оба замолкают.

– Заходи, красавица, – ласково улыбается Власий.

Любава пятится обратно в притвор:

– Я попоздней лучше.

– Я уже ухожу, – на пути к двери Андрей игриво улыбнулся ей, как обычно, не разжимая губ.

Не бывшая прежде в православном храме, девушка рассматривает диковинное убранство. По дороге к алтарю она застывает перед фанерным коробом со стеклом спереди. На стекло, как в музее, где она никогда не бывала, приклеена пожелтевшая табличка:

ВАЛЕНКИ ПРЕП. БЛАЖ. СВ. ТАРАСИЯ, ВТОР. ПОЛ. XVI В.

Внутри короба пара упомянутой обуви ничем, кроме ветхости, не отличается от той, что зимой носят в ее селении все от мала до велика, не считая модницы Умилы. Перед реликварием в медном подсвечнике горят несколько свечей.

Настоятель дожидается ее перед иконостасом с сочувственной улыбкой.

– Хоть сама жива осталась, спасибо Господи.

– Невзору еще спасибо: неделю травами отпаивал. Коль не он, померла бы, – с этими словами она достает со дна корзинки горшочек с ручной росписью из косых крестов и ромбов с точкой посередине. – Мед от него принесла.

– Мне что ли? – Власий с удивлением поглядел на нее.

– Передать для Никитки велел, чтоб не хворал.

– Благодарствую, милая. Посуду верну, – священник бережно принял горшок из ее рук, и теперь держит его перед собой за две ручки и не знает куда пристроить.

Взгляд широко распахнутых Любавиных глаз движется по ликам святых на иконостасе. В алтарь ведут три двери: две боковые – без росписи, а на створках большой срединной изображены два крылатых мужа, похожие на того юношу, которого она видела в своем сонном видении. Один из них держит кубок с вином, а другой – старинную книгу.

– Еще чего хотела с меня?

Перед тем обернувшись на всякий случай к выходу, Любава наклоняется к уху настоятеля церкви св. Дионисия и шепчет:

– Просьба у меня к вам есть, святой отче. Тайная.

Хвостище длинный: сразу понятно, что не кошка, а кот, и масть чудная: белый в крупных рыжих пятнах. Лекарь Невзор Асич видал коров такой расцветки у соседей, но котов – ни разу. Лапы с животом у него покрывала пушистая шерсть, но спина, голова и хвост с жидкой, как усы старейшины Святовита, кисточкой на конце были почти голые, и только кое-где вверх завивались редкие и прозрачные волоски.

– Это кто такой?

– В магазин ходила в Малые Уды. Мимо пристани иду – слышу, мяучит кто-то, – начала объяснять Любава. – Пофыскала – прибежал. За мной так и шел до забора шаг в шаг, за всю дорогу не смолк.

Кот с жадностью накинулся на сырую неочищенную плотву, которую вынесла ему Любава к забору. Вместе с челюстями двигались огромные рыжие уши на плешиной голове.

Невзор внаклонку разглядывал несчастного зверя:

– Шкура гармошкой у него, значит, долго голодал. Хоть с виду и не сказать, что тощий.

После трапезы на зеленой весенней траве у изгороди осталась россыпь кровавой чешуи. Только теперь кот заметил Невзора, боднул морщинистым лбом резиновый сапог и ласково, по-домашнему замурлыкал.

– Ночью заморозки. Околеет, гунявый, на улице, – с горечью вздохнул лекарь.

Невзор был одет для леса: в старые армейские штаны и брезентовую куртку с капюшоном, на ногах – сапоги до колен. На плече висела котомка под травы. Лед сошел с Великой, а значит, пришло время собирать белену, пока не зацвела, и молодые ростки горечавки.

– С шерстью у него что такое? Лишай?

– Запущенный, – подтвердил лекарь. – Без птичьей мази не обойдешься. Ты не видала, Ерофеевна кур еще держит?

– Не заходила я к ней, отца Власия в самой церкви нашла.

– А к меду он ничего не просил? Может, лекарство какое?

– Ничего не просил, кроме меду, – Любава потупила взор с тем странным, обреченно-мученическим выражением, которое он не в первый раз замечал у нее за последние дни. Роды у ней были уже четвертые по счету, но в прошлые разы обходилось легко, а тут она едва не истекла кровью, с постели не вставала неделю, и до сих пор, видно, не оправилась.

– По ночам боли не мучают? Может, еще сбору снотворного насыпать?

– Не мучают. Крепко сплю, – всё так же не глядя на него, отвечала Любава.

Невзор Асич подхватил с асфальта кота и пошагал к калитке. Сегодня ему было уже не до трав.

– Может, хозяйский он?

Лекарь с мурчащей ношей обернулся на полпути:

– Пройдусь завтра до Малых Удов да до Бабаева.

– А ежели он с того берега до ледохода пришел?

– Виданка объявления в интернете поглядит.

– Третий уже у тебя будет?

– Да ты что! Куда мне? Вылечу да пристрою! – возмутился Невзор, и потом нехотя добавил: – С Барсучком вместе – четвертый.

Кот, которого он уже назвал про себя Гармошкой, ехал на руках и не пытался вырваться, даже когда услышал собачий лай из отворенной калитки, и лишь крепче вцепился когтями в брезентовую куртку. Только сейчас Невзор задумался о том, где поместит больного. В амбаре устроить – одно, что на улице, а к своим домашним подсади такого лишайника – и через неделю будешь мазать птичьей мазью всех четверых. Оставались сени. Там не хватало кошачьего лотка, и Невзор решил тут же, что сам сколотит его из досок: всяко быстрее, чем просить Святовита или Богуслава ехать за готовым до города.

Старший брат Людмил надсмехался над бабской сердобольностью младшего, но Невзор ничего не мог с собой поделать. Когда подросла, дочка Видана стала такой же. Последнего, черно-белого Барсучка, она приволокла с мороза прошлой зимой. Вид у кота был совсем не тот, что у нынешнего плешивца. Лекарь даже за лечение сначала браться не стал: уложил его на печь и мысленно утешал себя тем, что бедолага хотя бы помрет в тепле.

Однако наутро будущий Барсучок потребовал еды, и через дней десять совсем оправился. На ноги его поставили общеукрепляющие клизмы из пижмы и мать-и-мачехи, хоть расцарапанная дочь и бранилась, что толку с них никакого. Вместе с ней и с котом в котомке они обошли деревни по обе стороны реки, но бродягу ни в одной из них не признали. Так было и прежде: домашних зверей, которых находил Невзор, никто не терял – не иначе, как с неба, все они сыпались на его двор.

В волшебном лукошке не было двух одинаковых яиц. Первое – небесно-голубое, второе – зеленое в крапинку, третье – настоящее золотое, и сверкало на солнце будто купол собора в Пскове, куда в прошлом году они ездили с мамой, Дашкой и дядей Андреем, а четвертое...

– Мам! Гляди!

Мать с интересом покрутила в руках яйцо в разноцветных матовых разводах.

– Это у кого такие?

– У Максим Пахомыча!

Новый год Матвей, конечно, любил больше Пасхи, но крашеные яйца были такие же интересные, как елочные игрушки, и каждый раз новые. Обидно только, что Никитос опять разболелся. Валентина Ерофеевна сказала, что у него температура 40. А если 42, то умрешь. От этой мысли Матвею стало зябко-зябко, хоть апрельский ветерок был теплый, как парное молоко, а солнце в небе грело почти по-летнему. На церковном дворе распускалась верба, люди были одеты легко и пестро, и никто, кроме Матвея, не замечал полоску снега, что притаилась змеей под скатом деревянной крыши.

– Маш, а зачем к тебе Невзор приходил? – Спросил Максим Пахомыч Дубенко, круглый и ладный, похожий на Деда Мороза розоволицый старичок с такого же цвета лысиной на голове

– За куриным навозом, – ответила мать.

– На кой ему?

– Для мази. Кота лишайного подобрал.

– Что за мазь такая? – Удивился Максим Пахомыч.

– Птичьей ее Невзор называет: от лишая, говорит, и от любого облысения помогает.

– А рецепт не рассказал?

– В равных долях птичий помет, мед и толченая хвоя от молодой сосны. Мешаешь всё это в кашицу и на кожу мажешь.

– И помогает?

– Мне Невзор так сказал: лекарство должно быть горьким, а коли вдобавок вонючее, то еще лучше, – она рассмеялась. – Для себя спрашиваете?

– Да что ты! Из научного интереса интересуюсь!

В бытность на всенощной бывали и Козакова, и Ларина, и Комарова, и Хомутова. Нынче из них одна только Катерина Ивановна Хомутова осталась на этом свете, и говорит, что ноги не держат, а может быть, не хочет одна ходить. Уже не первый год отец Власий служил Пасхальную службу в одиночестве без диакона и прихожан, но зато утром в храм вся деревня тянулась освящать яйца, куличи и творожные пасхи. Не сказать, чтобы рано приходили. Да и сам Власий тоже отсыпался после утомительной ночной службы, и прежде десяти часов в храм не являлся.

Случалось, что ждать его приходилось, но такого, чтоб спал он до одиннадцати, на памяти людей не было. Разузнать, что случилось с батюшкой, отправили Надьку Прилуцкую. Остальные ждали у закрытых дверей храма святого Дионисия. Среди собравшихся за компанию вертелся толстый полосатый кот стариков Дубенко.

Со стороны поглядывая на собравшихся и чему-то про себя хмурясь, на корточках перед храмом дымил сигаретой Андрей Евстафьев. Докурив, он затушил окурочек о траву и мусолил его в пальцах: стеснялся мусорить у церкви при честном народе. Только когда в калитке показалась Надежда Прилуцкая, и все взоры обратились к ней, Андрей шелчком отправил окурочек за могильный холмик со старинным крестом.

– Ну что?

– Спит?

– Пьяный?

– Минут десять трясла, пока глаза разлепил, – начала рассказывать Прилуцкая. – Бормочет: «Что стряслось?» «Просыпайтесь, – говорю ему, – батюшка. Пасха! Христос, Господь наш, из мертвых восстал!» «Ну и слава Богу, – отвечает, – а я еще полежу», – и на другой бок повер-

нулся. Ерофеевна ко мне вышла, сказала, что на всю ночь он не выходил. Ни разу такого, мол, за десять лет не было. Случалось, что и день, и два пьет, а с Андрюхой, так и подольше, а тут уж неделя к концу пошла. Третьего дня самогон давать ему перестала, а тому уже и не надо. Только водички попросит, да глядь: опять такой же, будто как Иисус воду в вино претворяет.

– Да уж, очень он эту историю любит, – усмехнулась Мария.

– А Никитка ее как? – Спросила старушка Хомутова.

– Спал жар. Спит.

– Ну слава Богу.

– Когда уж священника нам непьющего пришлют!

– Дождешься! Я по телевизору видела, что каждый день нынче по три новых церкви открывают. Где непьющих на всех наберешь?

– Это в Москве еще ладно, а до нас, можно подумать, кому дело есть!

– И что с того, что пьющий? – Единственная из старух, вступилась за Власия Зинаида Михайловна Дубенко. – Зато не жадный. Вон Людка из Бабаева говорила: в их Выбутской церкви пометку подать теперь тридцать рублей, а если в городе в соборе захочешь, то сотенную положи. А у Власия всё бесплатно.

– Да он-то еще и не сказать, что пьяница, – поддержал супругу Максим Пахомыч. – Вы Фалалея вспомните.

– И вспоминать не хочу, Господи! Ладно бы просто замерз, а то еще сколько ногами пинали его, горемычного! – Зинаида Михайловна перекрестилась и осуждающе поглядела почему-то на Андрея Евстафьева.

– Да что я?! Это Генка всё: коряга, коряга! – Возмутился Андрей, который с тем же угрюмым лицом стоял теперь в толпе вместе со всеми.

Когда случилась трагедия, Андрей был еще молодой, только вернулся из армии. На Рождественский пост отец Фалалей обычно уезжал в свой Дионисийский монастырь, и, когда перед Новым годом он исчез, никто из здешних не удивился. В те дни шел снег. Матерясь вслух и про себя, все деревенские рыбаки, включая Андрея, несколько дней подряд спотыкались о погребенный в сугробе предмет на пути к причалу, пока в сочельник кто-то не догадался разгрести снег. На дверях храма повесили замок. Боялись, что приход закроют. Но летом из той же Дионисийской обители приехал отец Власий, и духовная жизнь в Малых Удах вернулась в прежнее русло.

– Не пойму, почему у нас все попы из одного монастыря. В других деревнях не слыхала про такое.

– Отец Власий объяснял, что в старину так везде было. Если при монастыре какая деревенька есть, а в деревеньке – церковь, то в ней монастырские попы службы служат.

– Да какое там при монастыре! Километров пять до них, если не больше.

– Четыре-триста по спидометру. Потом еще километр по лесу, – поправил Андрей старушку Сердобину, которой принадлежали последние слова.

Праздник был испорчен. Во главе с котом прихожане, кто с лукошками, кто с сумками, кто только с яркими праздничными куличами в руках, потянулись к церковной калитке. Мария сняла с головы платок, который надела в храм, и на ходу пыталась привести в порядок непослушные волосы.

В мелкой ячее вертятся две плотвички, каждая размером чуть побольше блесны. Бережно, чтобы не покалечить, Матвей выпутывает рыбешек из сети.

– Куда такая мелочь?

– Нашему Окушку если?..

– Не ест он плотву.

Матвей тормозит на полпути к пустому ведру и шагает обратно в реку. Встав на колени, он опускает в воду кулачки, в каждом из которых бьется по рыбехе.

– Може, навозу взять на приваду?

– Брали уже.

– Коровий брали, а куриный – нет.

Он забыл обтереть руки от слизи, сразу сунул их в карманы разгрузки, и в такой позе глядит на реку в детской задумчивости. Вода в Великой волнуется по-весеннему. Сзади слышны шаги, а потом и голос Бориса Прилуцкого:

– Как уловы, командир?

– По-разному, – со значением отвечает Матвей.

Ставить сеть под водой через лунки, как это делают соседи-староверы, Геннадий не умел. В марте он достал из сарая старинную отцовскую сеть, загодя подлатал и стал ждать ледохода. Три дня они вдвоем с сыном ходили к берегу глядеть на плывущие льдины, а на четвертый взяли сеть и пошли к своей заводке.

Сетью ловить это уже не рыбалка, а промысел: удовольствия никакого. Но Матюха так не считал. Пока не сходят проверить улов, за уроки его было не усадить. В первый день Речной Дед проявил милость: достали подлещика, пять окуней, столько же ершей и почти килограмм плотвы. Во второй день подлещика уже не было, а потом и окуни с ершами перестали попадаться. Не то, что себе на уху, а коту нечем угостить было.

– Чем прикармливаешь? – Спросил Борис Прилуцкий.

– Червями. Тошнотиком. Черствым хлебом, ясно дело.

– А привада какая? Подсолнечное масло пробовал?

– Целую бутылку влил, – Парамонов понизил голос: масло было взято им из кухонных запасов без спросу у матери и супруги, так же как и флакончик духов, которые Мария второй день искала и не могла найти.

– Парфюм? – Угадал его мысли майор.

Геннадий молча кивнул и скосил глаза на Матвея.

– Вчера даже керосину плеснул, в сарае отцовский остался. Он только им и приваживал. Може, выветрился, конечно.

– Керосин – это не дело. Всю экологию загубишь, – сумничал Прилуцкий.

– Я же капельку. Рыба – она что пахучей любит.

– Мне один поп знакомый говорил, что ладан использует. Привады, мол, лучше нет. Главное, истереть помельче.

– Да где я его возьму?

– У Власия попроси. Скажи, что для лампадки.

– Для какой лампадки? – Не понял Геннадий.

– Ну, мол, купили, чтобы молитвы дома читать. Это нынче модно.

– С запою он вышел, не видал?

– Ну та-ак, – майор с нехорошей ухмылкой покрутил рукой воздухе.

Геннадий посмотрел на сына. С выступа на берегу ребенок наклонился над водой и что-то разглядывал в черной паводковой мути. Ветер с реки ерошил рыжие волосы. Из кармана детской разгрузки торчала шапка, которую Матвей стянул с головы еще по пути на рыбалку, как только изба, откуда их могла видеть мать, осталась за поворотом.

– А чего за сеть взяться решил? Не любил же.

– Да думаю, что в сарае без дела гниет? Дай попробую. Староверы-то в Ящерах вон по сколько тягают.

– Деньги никак на что понадобились?

– Дашку в университет собираем. Вдруг повезет, так Андрюха на продажу в город свезет. Всё не лишнее.

– В университет? Недешево это. – Майор потянулся к фляжке на поясе. Когда он сделал глоток, лицо у него стало такое, как будто вместо четырехзвездочного коньяка ему кто-то влил тайком во флягу местного самогону.

– Ну ты своих двоих как-то выучил. Оценки хорошие у нее, по математике...

– Не сравнивай, – резко оборвал Прилуцкий, непонятно что имевший в виду. – Всё спросить забываю, вы с Машкой теленка почему сдали?

– Тише ты, – Геннадий прижал палец к губам.

– А что, не сказали ему?

– Сказали, что в стадо продали. День ревел. До сих пор спрашивает, когда навестить поедем.

– Это не дело: мужика растишь. Я своим двоим с детства говорил...

За спиной раздался шлепок тела о воду.

– Ершонок!

Отец бросился к кочке, на которой только что стоял сын, упал на колени, поймал рукой петлю на спине его жилетки и привычным движением выволок ребенка на берег.

Матюха не кашлял, хлебнуть воды не успел. Майор присел на корточки вместе с Геннадием и глядел на его сына. Мокрые, волосы у Матвея казались еще рыжее, с жилетки и штанов стекала вода.

– Ну что, крупный бобер?

Глупая шутка Прилуцкого стала последней каплей. Целых несколько секунд Матвей пытался держать лицо, но теперь зашелся громким душераздирающим плачем.

– Кш! Кш! Кш!

Над брагой с противным писком вертелась белая моль. Сколько ни пытался отец Власий отогнать насекомое, оно уворачивалось и всё плясало в воздухе на том же месте.

– Кш! Кш! Да чтоб тебя!

Очередным взмахом руки он отправил Божью тварь прямоком в кружку, где она, барахтаясь, запищала еще громче. Власий нашел на столе ложку, обратным концом выловил насекомое из жидкости, и тогда только понял, что совершил ошибку, принявши за мотылька крохотного ангелочка.

Благой вестник на столе отплевывался и тряс мокрыми крылышками.

– Ну и вонища! На навозе что ли настаивал?! – Вместо приветствия пронзительно пискнул малыш, так что священник, который склонился к нему, чтоб лучше слышать, отпрянул с испугу.

– Брага как брага: сахар, дрожжи, – чуть смутившись, ответил Власий. – Вы там у себя в раю совсем что ли вина не пьете?

– Вино пьем, а не это пойло злосмрадное! И по рюмочке только, на двенадцатые праздники, – подозрительно быстро поправился он.

– Всё кагор, небось?

– И кагор, и порто, и мадеру. Сам я, правда, больше малагу почитаю.

– Господи помилуй, я про такие и не слыхал! Небось, ваше небесное что-то?

– Не слыхал, потому что в магазине на ценники дороже ста рублей не смотришь!

Маленький гость прыгнул с журнального столика на пол и на глазах стал расти в раз-мере. Когда он достиг человеческого роста, священник смог лучше рассмотреть его. На вид ангелок был не то, чтобы стар, но и не мальчик. Полтинник с небольшим Власий дал бы ему по земным меркам. Жгуче-черные глаза блестели на его некогда красивом, а теперь только лишь благородном лице, как пара итальянских олив, которые Власию случалось есть в прежней своей женатой жизни на праздниках у тестя с тещей, запивая каждую, к их молчаливому неодобрению, целую с горочкой рюмкой водки.

– Не для того явился я, чтоб напитки хмельные с тобой обсуждать!

– А для чего? Небось, весть какую принес?

– Принес, – чрезмерно важным тоном подтвердил ангел. – Передать было велено, что, коли пьянствовать не прекратишь, доведет тебя твой грех до позора, а приход твой – до гибели лютой. Вместе с Малыми Удами и другие деревеньки бесчисленные с лица земли сгинут, и сам град Псков, древний и славный.

– А следом и твердь земная на две половины ако яичная скорлупа расколется, – с надменной усмешкой подхватил Власий. Бедность свою он считал богоугодной, втайне гордился ею и связывал с чистотой души, но слова про недорогие ценники в магазине всё же немного задели его, тем более что кагор, если брать божеский, уже давно стоил под двести.

– Коль ты не внемлешь, Всевышний мне велел доставить тебя к Нему для личной аудиенции, – небожитель старался выговаривать слова четко, но язык у него заплетался: видно, во время купания он успел как следует хлебнуть браги.

– Ну полетели, послушаем. Мне и самому есть, что рассказать Ему. Дай допью только, – священник потянулся к кружке, но не успел взять ее, как ангел крепко схватил его за локоть и потащил к окну. Распахнув свободной рукой фрамугу, он больно ударил своего пленника шпингалетом по лбу.

На дворе ангел на куриный манер отряхнул мокрые крылья, несколько раз взмахнул ими, и вместе с Власием оторвался от земли.

Внизу под ногами у них проплыли колодец, шиферный прямоугольник сарая, овин. Из-за деревенских крыш показалась серая река. Старую осину на краю картофельной посадки Ерофеевны пассажир увидел первым, успел вскрикнуть, но было поздно.

От гибели святого отца спас толстый сук, за который он, Божьей милостью, зацепился своею рясой не по размеру, и так остался висеть, свесив бледные ноги над пропастью. Возчик запутался крыльями в глубине кроны, возился там, сотрясая ветви, и пытался выбраться.

– Как ты, друже? – С искренним сочувствием спросил Власий.

Ангел ответил матерно.

Священник решил про себя, что небесная братия не оставит в беде своего, и стал оглядываться и раздумывать, как самому выбраться из положения. Над собой Власий заметил ветку, с виду попрочней остальных, и протянул к ней руки. Это было ошибкой. От неосторожного движения тело выскользнуло из широкого одеяния. В одном исподнем он полетел вниз, зажмурив глаза от ужаса.

Удар сотряс в его теле все косточки до последней. С закрытыми глазами он осторожно пошарил рукой вокруг и подивился тому, что нащупал пальцами не траву, а доски пола.

Кряхтя священник перевернулся на спину и обнаружил себя в съемной комнате в избе Ерофеевны, которая стала ему за десять лет родным домом. Он попытался перекреститься, но сложенными щепотью пальцами вместо лба попал в щеку. Над головой в лучах апрельского солнца из окна кружились пылинки, поднятые его падением.

Из-за стены раздался ворчливый голос хозяйки:

– Опять в горшке застрял, отче?!

– С дивана сверзился, Валентина Ерофеевна!

Он поднимается с пола, ждет, пока перестанет кружиться голова, и идет к красному углу. С полки берет икону местночтимого святого Тарасия, крестится на лик святого, а затем отодвигает заднюю часть тяжелого оклада и достает наружу прозрачный пузырек. Открутив крышку, глядит в окно с мученическим выражением на лице.

За окном вокруг сарая с шиферной крышей, которую он только что наблюдал с высоты полета в своем сонном видении, носятся наперегонки Парамоновский Матвей вместе с Никиткой. То ли от Невзорова меда, то ли от Власьевых молитв мальчишка совершенно выздоровел

и даже, как показалось ему, чуть округлился в щеках. В игре вместе с ними участвует лохматый хозяйкин пес по кличке Валенок.

Увидавший в происходящем на дворе положительный знак, Власий сделал из пузырька глоток, потом еще один, и только после этого закупорил сосудец и вернул его в свой богоугодный тайничок.

Он вернулся на диван и посидел немного, пока совсем не ушла головная боль. Когда Власий вышел в сени, с кухни появилась хозяйка.

– Час который, Валентина Ерофеевна?

– Одиннадцать утра, – ответила она и сразу угадала следующий вопрос. – Четверг.

Не с первой попытки Власий подцепил ногой галошу и сунул в нее босую ногу.

– Куда собрался, батюшка?

– В храм пойду, приберусь.

– Проспался бы сперва.

– Ну как же? Чистый четверг.

Хозяйка одарила квартиранта в семейных трусах и одной галоше укоризненным взглядом:

– В то воскресенье Пасха была.

– Помилуй Боже! – Власий осенил себя крестным знаменiem. – А всенощная?

– Андрюха за тебя отслужил. Сам же псалтырь ему дал. Забыл, что ли?

– Андрюха?! Нерукоположенный?! Грех-то какой! – Власий уставился на нее с ужасом, но тут заметил смех в глазах и сердито взмахнул рукой.

Вдвоем они обернулись на скрип входной двери. В сени вошел Геннадий Парамонов и поздоровался, нисколько не удивленный полуголым видом святого отца.

– Ты за Матюхой? – Спросила Ерофеевна. – Во дворе он, с Никиткой бегают.

– Пусть играют. Я к батюшке. Ладану бы мне.

Власий с преувеличенной подозрительностью уставился на него:

– Для ка-акой надобности?

– Лампадку в дом купили.

Пошатываясь, Власий пошел обратно в комнату и плюхнулся на колени перед тумбочкой. Вытащил наружу псалтырь, ломаный подсвечник и, наконец, ветхую картонную коробочку из-под печенья.

– На месте, слава тебе, Господи!

– Да кому он нужен?! – Загорчала Ерофеевна.

– Кадило вон стибрили. Уж ни на кого думать не хочу, но не дай Бог, представится Хомутов старый. Как отпевать буду?

С коробочкой от печенья он вернулся в сени.

– Сколько тебе?... Держи, – не дожидаясь ответа, святой отец засыпал в оттопыренный карман разгрузки чуть ли не половину содержимого коробки.

Шкарин не помнил, как оказался в вонючем фургоне. Только, как к Оксанке за бодягой шел. Проснулся в машине. Ехали минут двадцать. На дворе с синим фонарем его встретили трое. Еще бы чуть, и он даванул молодого, а за ним и усатого, но усатый раньше подлетел с кистенем. На конце цепи у кистеня была не гирька, а шар с шипами, как у древних рыцарей в кино.

Во второй раз Шкарин очнулся уже под землей. Параши в камере не было. Под сортир он приспособил дальний угол от спального места, и уже скоро перестал замечать вонь. Тепло давал электрический обогреватель. Шнур удлинителя уходил по стене в отверстие в потолке, до которого узник доставал головой.

Миска!.. Корыто!.. Миска!.. Корыто!.. Голос каждый день был не тот, что вчера, но слова – одни и те же. На вопросы, которые он задавал, снаружи не отвечали. *Корыто!.. Миска!..* Шкарин подавал ее через узкий проем в двери и получал назад с несколькими разваренными в кашу рыбинами. Таким же способом пополнялся в корыте запас сильно разбавленной теплой бодяги, которая была здесь вместо воды. Шкарин как-то пробовал не пить, но печень после алкоголя требовала жидкости. Он продержался несколько часов, дольше не смог.

Рыбу не чистили. После еды на бетонном полу он оставлял чешую и кости вместе с вареными кишками, которые выковыривал на ощупь. Бывало, что Шкарин засыпал прямо в этой грязи, но чаще находил в себе сил доползти до соломенного лежака.

За кирпичной стеной в соседней камере томился в первые дни какой-то рыбак. К тому времени, как Шкарин попал сюда, он уже словил белочку: гонял чертей, звал жену Алену, детей, срывался на плач. Только однажды Шкарину удалось докричаться до него. Он спросил рыбака, как тот попал сюда, а тот в ответ начал базарить про каких-то страусов. Потом его увели. С тех пор тишину только раз в сутки нарушали шаги и голос стражника за дверью.

Алюминиевая кружка у него в руке такая же, как была на Серёдкинском строгае, и даже вмятина на том же левом боку. Сегодня пошло крепче, он чувствует это по запаху. Вдобавок к спирту – еще что-то неприятное, травяное. Он вспоминает про *горячего* рыбака за стеной и выливает жидкость обратно в корыто.

Под головой у него скатка из куртки, задубевшей от телесного жира и пота. Шкарин на боку ковыряет ногтем щербину в цементе между кирпичами до тех пор, пока не забывается тяжелым сном, в котором видит фонтан с прозрачной водой. В фонтане плещутся голые бабы с рыбьими хвостами и огромными сиськами.

Его будит звук отпираемого засова. Пленник не открывает глаз и старается дышать ровно, как спящий. Скрипят нерасхоженные петли. Двое подходят к матрасу. Глаза у Шкарина слезятся от резкого света фонаря.

– Вставай!

Юльки Котовой батя, что ль? Голос его. По синьке старый чухан дважды вламывался к ним с матерью в хату. *Зарежу! Зарублю! Падла! Убийца!..* По факту, яиц Котову не хватило даже на то, чтобы дать ему хоть раз в морду как следует. Шкарин только шерился на него, а чухан бесился от этого еще больше.

Когда слезы прошли, он понял, что обознался. Над ним стоял не Котов, а усатый, который встречал его во дворе. В руке он сжимал знакомый кистень, а из одежды на нем был только плащ с блестящей застежкой на груди. Молодой был вместе с ним, совершенно голый. Он держал фонарь. Впервые Шкарин смог оглядеть свою крохотную загаженную камеру. На вид она оказалась еще меньше, чем на ощупь.

Шкарин послушно встал и повалился обратно на тюфяк с соломой, изображая пьяного. Полежал. Попробовал еще раз, и снова мягко упал. Его насильно подняли и подмышками поволокли к выходу. Из коридора, куда выходило несколько закрытых дверей, они втроем поднялись в ледяное помещение, где на полках стояли ящики с замороженной рыбой.

Через лабиринт стеллажей его вывели на двор, где толклось еще несколько мужиков, все – голые и бородатые, кроме единственного пацана с мясистым и безволосым, как у бабы, телом.

С пленника содрали одежду и запихнули в деревянное корыто с холодной водой. Пухлый пацан взял губку, опустил на колени перед корытом и начал драить ему кожу. Остальные зырили молча.

Шкарин дал закончить очередное издевательство над собой, выбрался из воды с помощью чужих рук и не глядя лягнул в том направлении, где стоял усатый с кистенем. Почувствовал, что не промазал. Его пытались схватить несколько рук, но он четко сработал локтями и побежал к частоколу.

Топот. Вопли за спиной. Опередив погоню на долю секунды, он повисает на двухметровом заборе из бревен. Подтягивается. Перебрасывает тело на другую сторону и катится вниз по колючему бурьяну.

Свет фонаря на столбе сюда не доходит. Ночь безлунная. Только по запаху он понимает, что рядом река. По траве и камням ощупью добирается до берега и на четвереньках входит в воду.

Дна уже нет под ногами. Беглец гребет изо всех сил наперерез течению. По черной глади шарят лучи фонарей. Он не видит в темноте летящего камня, но слышит плеск воды. Потом еще один, совсем близко. С третьей попытки метателю улыбнулась удача. Шкарин не успел почувствовать боли в затылке, но перед тем, как погрузиться в холодную влажную черноту, расслышал над ухом тонкий омерзительный свист.

Его пальцы пахнут ладаном, даже навоз не перебил аромата. С полным ведром Геннадий выходит из сеней на скрипучее крыльцо. Малек уже перед ним. Ясно, чего хочет, шепотом. Геннадий поднимает ведро вровень с грудью, и так несет до теплицы. Всю дорогу Малек вертится у ног и просительно виляет хвостом.

В самодельной теплице на фундаменте из старых просмоленных шпал его дожидается Мария. Геннадий вытряхивает ведро на грядку. Пес тут как тут.

– Тьфу! Навозник! – В сердцах жена взмахивает граблями вслед довольному Мальку, который с полным ртом навоза с червями несется из теплицы на огород. – Ген! В последний раз они у тебя в подвале зимуют! Чем хлев хуже? Тепло!

– Не так тепло. Им особый температурный режим нужен.

– Свекла твоим навозом уже провоняла вся! И картошка!

– Помыть что ль сложно?

Они с Матюхой как раз собрались пойти проверить сеть на ночь, да тут Машка пристала со своей грядкой. Матюха вызвался идти один, но без взрослых к Великой его не пускали. Он расплакался. Мать с бабушкой стали на него ругаться и совсем довели до истерики. В конце концов не выдержала Дашка, бросила свою математику и потащила брата к реке с таким грозным лицом, как будто задумала утопить.

Упершись плечом в помытое стекло, Геннадий наблюдает за супругой, которая граблями растягивает навоз по гряде. На днях она перекрыла крышу, и в теплице под вечер солнечного дня жарко, как в натопленной бане. Струйки пота словно гусеницы-вредители ползут по спине под рубахой.

С огорода раздались голоса детей. Первым в парник ввалился Матвей. На входе он зацепился ногой о шпалину и чудом не расквасил нос.

– Папа! Папа! Там дядя!

– Какой дядя? Где?

Малыш задышался от волнения:

– Голый! В сети!

– Утопленник, – объяснила Даша, которая следом за братом перешагнула высокий порог. Лицо у дочери под веснушками было бледное-бледное.

По дороге с реки Матюха успел сообщить о происшествии Никитке, а он, ясно, побежал делиться новостью с бабушкой. К Ерофеевне как раз зашел за самогоном Валерка Христович, за ним – Андрюха Евстафьев, и к тому времени, как Геннадий с супругой – детям в этот раз было велено остаться дома – добрались до заводки, на берегу Великой собралась половина деревни. На траву уже вытащили сеть с бледным утопленником огромного размера.

Андрей Евстафьев с сигаретой в зубах сидел на корточках под ивой на берегу. При виде зятя он вяло махнул ему рукой. Серебристые листья над его головой мелко дрожали от холодного речного ветра.

– В город в полицию, наверное, позвонить надо? – Геннадий нащупал мобильник в кармане разгрузки.

– Позвонил уже, – навстречу выступил Борис Прилуцкий в оранжевой ветровке.

Вот тебе и ладан. Геннадий сунул телефон обратно в карман и отвернулся к реке, чтоб не глядеть на белого мертвеца. На волнах играли янтарные блики.

Старушки в своем кругу обсуждали чрезвычайное происшествие:

– Уголовник, небось.

– Убийца?

– Или насильник...

– Може, беглый. Вчера вон по телевизору в новостях показывали... – Катерина Ивановна не договорила и обернулась к низкому травянистому спуску.

Со стороны церкви к Великой шагал батюшка Власий. Из запоя он так и не вышел, что прихожане поняли еще издали по его походке. Медленно и с великим трудом он спустился к берегу и обвел люд осоловелым взором:

– Откуда приплыл?!

Сначала вопроса не поняли. Потом Геннадий указал в направлении против течения.

– Ты,ловец человеков, ступай домой! А мертвые пусть сами хоронят своих мертвецов, как в Писании сказано! – Молвил святой отец с гонором, какой, бывало, просыпался в нем во хмелю и ткнул перстом Геннадию в грудь. Тот отступил на шаг.

Ногой в летней туфле отец Власий попытался столкнуть утопленника вместе с сетью в реку, но не рассчитал сил, споткнулся о труп, и сам оказался в воде.

Купание не отрезвило его, но даже напротив. Когда Геннадий с Прилуцким вытащили священника на берег, тот с трудом поднялся на ноги, заново обнаружил покойника и тихонько затянул «вечную память».

За этим занятием его и застали двое оперуполномоченных Псковского уголовного розыска, которые показались на травянистом пригорке. *Во блаже-е-нном успе-е-нии вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу твоему и сотвори ему ве-ечную па-а-мять...* Власий заметил чужаков, отошел к кустам на берегу и замолчал. Его сильно качало. С черной рясы, облепившей тело, капала речная вода.

На священника посмотрел с удивлением, но ничего не сказал лысый майор, который в январе приезжал в Малые Уды искать Юрку Семенова. Тут же был и его напарник, молодой лейтенант с бородкой. Вместе они наклонились над трупом в сети и перевернули его на спину.

– Шкарин, – тихо сказал молодой.

Майор кивнул:

– Похож.

Лицо покойника как вуаль покрывала рыбацкая сеть, стальные глаза незряче глядели в вечернее небо над рекой. Майор не потрудился опустить мертвые веки, просунул руку под сеть и провел пальцами по начавшим высыхать волосам.

– Что там, Артем Игоревич? – Спросил молодой.

– Рана. Тупой предмет.

Со стороны деревни донесся красивый звонкий крик петуха и словно послужил сигналом для Андрея Евстафьева, который покинул свое убежище под ивой и направился к полицейским. Только теперь Геннадий понял, что шурин пьян.

– Из Ящеров принесло его. Там они людей скармливают хищным ящерицам. Зато и деревня так называется.

– Каким еще ящерицам? – Лысый опер разогнул колени и уставился на Евстафьева.

– Черным. Вот таким, – чтобы показать длину, Андрей рубанул ладонью себе по плечу.

В разговор шумно влезла Мария:

– Коли скармливают, что ж этот целехонький?!

– Може, сбежал, или еще что, – Андрей возбужденно дышал сивухой на оперов. – Тесть мой видел их: съездите, спросите. Он в монастыре живет! Дионисийская обитель!

– Андрюш! Уймись, ради Бога! Хошь, чтоб и тебя с покойником забрали заодно?! – Мария взяла брата за плечи и потащила прочь по берегу.

V. Май

По своему нахождению перед главным управлением УВД безымянный скверик под окном кабинета Копьева и Сабанеева получил в народе название «Милицейского». В середине живой композиции из елок, туй и можжевельников почти незаметен приземистый, кладбищенского роста монумент сотрудникам «органов», погибшим при исполнении в мирное и военное время. Сквер примыкает к Октябрьскому проспекту. Оттуда через открытую фрамугу ветер доносит в помещение голоса прохожих и шум автомобилей.

На старинном советском сейфе рядом с подоконником расстелена клеенка, на ней – голубой электрический чайник. Поднявшийся заварить кофе Сабанеев щелкает кнопку на чайнике и возвращается за свой стол. Через узкий проход напротив от него старший оперуполномоченный майор Артем Игоревич Копьев поглядывает то на клавиатуру, то в монитор и набирает двумя пальцами протокол по ночному угону черного «Ниссана» с улицы Юбилейной.

Приоткрылась дверь. Копьев обернулся и не глядя прихлопнул на столе стопку бумаг, которую весенний сквозняк собрался было разметать по кабинету. В проеме показалось усатое лицо начальника угро подполковника Сверчкова:

– По Шкарину биохимия пришла?

– Подтвердили механическую асфиксию в результате утопления. В крови – ноль-восемь промилле, – отчитался Копьев. – Длительная алкогольная интоксикация. Вероятно, в последние недели пил не просыхая.

– Травмы? Гематомы?

– Кроме ранения тупым предметом, от которого он потерял сознание в воде, на затылке есть зарубцевавшийся шрам не меньше, чем месячной давности, орудие установить не удалось.

– По диете ничего интересного?

– Нормальный рацион, не голодал. Признаков алкогольного кетоацидоза нет.

– Сколько в воде пробыл, говоришь?

– Часов шесть-восемь.

– Река там спокойная. Получается?.. – Начальник угро быстро прикинул в уме. – Не больше десяти километров проплыл. Объемом населенные пункты по обоим берегам, с людьми побеседуем. Может быть, что-то интересное найдем.

Из-за своего монитора выглянул лейтенант Иван Сабанеев:

– А фургон?

– Что фургон, Вань? Между Псковом и Островом единственный мост через Великую – в Шабанах. Движение насыщенное и днем и ночью. Кто-то мимо проезжал, Шкарин его тормознул, попросил подвезти. Мы не знаем, был у него план или просто бежал куда глаза глядят, и потом нашел какую-то заброшку. Днем из дому не высовывался, а ночью на беду свою пошел икупнуться.

– На улице плюс-пятнадцать.

– С его ноль-восемью промилле самое то.

– Не пойму только, зачем он в бега подался, когда условия меньше месяца оставалось.

– Затем, что снова натворил что-то, – уверенным тоном сказал Сверчков. – У него есть старая рана на затылке. Можно предположить, что жертва сопротивлялась.

– Заявлений не было.

– Износ – дело щепетильное, а на селе тем более огласки боятся. Девки того возраста, что Шкарин любит, даже родителям не признаются. Еще прибавь его репутацию: как откинулся, всю деревню в страхе держал. Сначала пригрозил девчонке, потом сам испугался и решил залечь на дно. Не ожидал, что в буквальном смысле получится, – когда Сверчков усмехнулся, под усами с проседью у него сверкнул ряд стальных зубов. Свои собственные, по разным вер-

сиям, он потерял то ли в Чечне, еще в первую кампанию, то ли при каком-то жестком задержании в конце 90-х. – С Яхонтовым, Вань, у вас что?

– От криминалистов ждем заключение, – ответил за Ивана майор Копьев.

Начальник обернулся в его сторону:

– После обеда зайди ко мне, Артем. Обэповцы о чем-то пообщаться хотят.

Майор Копьев послушно кивнул. Через секунду из коридора раздался быстро затихающий звук сверчковских шагов.

Правду Надька Прилуцкая и сказала, что горазд Власий только других священников хаять, а сам и не поп даже, а так, попик деревенский. Бороденка в три волосины, и мало того, что ростом-то Бог обидел, да еще ходит вечно как собака сутулая, хоть и грешно так про святого отца думать, да еще и в церкви, Господи помилуй!

Отец Александр еще по телевизору Алене Семеновой понравился: крупный, но не полный, на лицо не то, что какой киноактер, но приятный, говорит ладно, и голос такой густой, бархатный прям. На вид лет сорок пять, или, может, и весь полтинник, а моложе Власия выглядит потому, что не пьет каждый Божий день. Строгий, конечно, не забалуешь, но сердце в большой груди – доброе, это она сразу поняла. Такие и должны людям помогать, а не как эти, что в собесе сидят.

Заявление на надбавку ей вернули. Все документы из избы уже в город свезла, а им всё равно двух бумажек не хватило. Теперь заново подавать надо, и потом новых сорок дней ждать. Алена не сдержалась, вывалила сгоряча, что про шарашку ихнюю думает. Когда вышла из собеса, к остановке как раз 17-й автобус подъехал, который на Завеличье ходит. Господь, не иначе, ей знак послал.

В офисе в притворе церкви святой Ольги нашла она только монашка, Александрова помощника по фонду. Он сказал, что во храме святой отец. Алена заглянула внутрь, увидела Александра беседующим с прихожанами и подходить не стала, остановилась в сторонке.

Только как следом за ним вышла в притвор, опомнилась, что в церковь явилась в джинсах. В Малых Удах у них Власий не придирался к одежде, но и отец Александр, слава тебе Господи, ничего не сказал. Даже, вроде бы, мужской интерес проявил.

– Нельзя ли так сделать, батюшка, чтоб «ВКонтакте» фотографий наших с детьми не выкладывали?

– А что же так?

– Неловко.

– Отчего неловко? – Священник с укором поглядел на нее. – Думаешь, что люди, которым наша «Верочка» оказывает вспомоществование, в чем-то хуже тебя?

– Не считаю, Господи помилуй, что вы!

– А чего стыдишься? Всевышний каждому крест по силе его дает: кому нужду, кому богатство. И неизвестно, какая ноша из двух тяжче.

Для разнообразия Алена предпочла бы вдобавок к первой примерить еще и вторую, но говорить об этом не стала.

– У меня ситуация юридически непростая. Муж числится пропавшим без вести, то есть не признан погибшим, но в розыск с Нового года объявлен... Трое детей, – добавила она невпопад. – А чтоб от государства назначили пенсию, пять лет надо ждать, пока официально умершим признают.

– Крещеная?

Взгляд священника падает в Аленино декольте. Молодая женщина торопливо застегивает верхнюю пуговицу белой блузки с кружевом, и кивает в ответ на вопрос.

– Елена в крещении.

Всего имущества у «Верочки» – стол, три стула да компьютер с монитором, старым и огромным, как телевизор у них в избе. За монитором Александров помощник в черной рясе одним пальцем как птичка клювиком тюкает по клавишам. Росту он крохотного, лилипутик с вершком.

На одной стене заутка, в котором расположен офис фонда, – рекламный плакат с реквизитами, на другой – вывеска на скотче, на третьей – ящик для пожертвований, и не сказать, что битком набит купюрами. Но зато в пакетах на полу немало добра. Больше детские вещи и игрушки, но еще и макароны она разглядела, и краешек упаковки то ли конфет, то ли печенья.

– Раз крещеная, на милость Господню уповать надо. Что ж ты супруга раньше срока хоронишь?

– Рада была бы похоронить, да не найдется уже он. Ни живой, ни мертвый.

– Отчего так?

Молодая вдова замолкает. Монашек за компьютером бросил печатать, и косит на нее любопытный взгляд.

– На перекрестке у церкви, где он пропал, полиция обнаружила след «Газели» из Ящеров.

– Что за Ящеры? Деревня?

– Староверская, или как ее назвать. Не слышали? На Великой, километра на три-четыре по течению выше от Выбут. Сначала по большаку – наши Малые Уды, потом они. Выбуты знаете, наверно?

– Естественным образом, – кивает ей директор в священническом одеянии. – А для какой цели этим староверам люди нужны?

– Кто как говорит. Одни, что на органы их разбирают и в Прибалтику продают, а другие, что обряд старинный справляют, кровавое причастие называется, и что недаром, мол, еще в старину староверов жгли. И если белая «Газель» с рефрижератором ночью мимо какой деревни проедет, то с утра человека там недосчитаются, а то и двоих. Это во всём Псковском районе известно, да и в Печорском тоже: от Катьки, знакомой, своими ушами слышала. У ней в Новом Изборске сосед, пьяница, так исчез без вести.

– В нашем детстве не белая «Газель», а черная «Волга» была, – Александр в задумчивости провел пальцами по ладной бороде с проседью. – А про причастие кровавое я впервые слышу. О евреях похожее до революции еще говорили, да и то навет. Ежели столько лет они людей похищают, то почему власти ничего с ними не сделают?

– Дороги они выбирают глухие, да еще людей таких, которые не нужны никому. Мой-то Юрка в самую новогоднюю ночь пропал. Пьяненький, понятно. Вот, видать, тоже за алкоголика приняли. Да и деньгой ведь нынче кого хочешь перешибешь, сами знаете. А они там в Ящерах не бедствуют. Еще директор ихний Святовит с нашим участковым вась-вась, в одном классе в Тямшанской школе учились.

– Святовит? – Удивился директор «Верочки».

– У них у всех там имена чудные, старинные. Жену его Умиллой зовут, сын – Богуслав. А еще лекарь у них есть Невзор, а жена его – Цветава. Живут все рыбной ловлей, даже от пенсий старики отказываются. А уловы такие, каких нигде на реке нет. Будто кто-то со всей Великой им рыбу в сети сгоняет. Еще и ящерицы эти...

– Какие ящерицы?

– Какие-то. Говорят так.

Скажи ему, не поверит. И про «Газель»-то не надо было рассказывать, раз он сам не слышал. Теперь подумает, что дура с глухой деревни явилась милостыню просить или, еще хуже, что врет напропалую и про Юрку, и про то, что в собесе ее послали.

– Кто говорит? – Священник вопросительно глядел на нее.

– Три или четыре года назад это было, – нехотя начала рассказ Алена. – Наш дядя Саша решил на участке у них поудить. Так-то нельзя, у них артель своя, и кусок Великой выкуплен

под лов. Но он ночью отправился к ним, да еще и на новолуние, чтоб потемнее. Зима была, но мороз некрепкий. Лунку у дальнего берега он вырезал. Только удить сел, как ветер со стороны деревни староверов голоса донес, потом он фонарики увидел. К берегу с удочкой бросился, в кусты залез, затаился. Глядь, ворота перед пристанью отворились и заходят туда староверы. Потом снова тихо стало. «Ну, – думает, – мало ли зачем». Уже собрался домой потихоньку пробираться, но тут видит, что из лунок, которые они для сетей зимой рубят, черные ящерицы полезли, и все – к пристани ихней ползут. Длинной с метр, говорит, а то и поболее. Вонь в это время надо льдом страшная встала, чуть не задохнулся. Запах такой, говорил, что в природе и не бывает: наполовину то ли сера, то ли химикат какой, а на другую – тухлая рыба.

– А как он разглядел этих зверей, раз ни луны, ни звезд в небе не было?

– Звезды были, погода ясная. Да и над пристанью у них фонарь всё время горит. Зимой-то, когда снег лежит, даже ночью всё видать, – объяснила Алена. – Дядь-Саша не то, что пьяница был, но как жена его померла, то крепко за воротник закладывать стал: и дома, и на рыбалке. Можно сказать даже, что в запой ушел. Когда он про ящериц рассказывать стал, ему никто не поверил у нас в Малых Удах, только посмеялись. А он после этого случая к Великой подойти боялся, из избы только за самогоном выходил.

– А не могло ему это действительно во хмелю причудиться?

– Нашему покойному Козакову его дед рассказывал, как видел в камышах на островке громадную дохлую ящерицу. Еще при Сталине. Телефонов-то тогда не было, и фотоаппаратов тоже. Поплыл обратно, мужиков позвал поглядеть. Когда вернулись на лодках, труп уже не было: то ли рекой унесло, то ли еще куда делся. Но вонь стояла такая, что все почуяли.

– А нынче жив он?

– Кто? Дед Козакова?

– Не дед. Дядя Саша этот ваш, пьяница.

– Жив, куда он денется. В монахи, правда, ушел. Через неделю после этого случая наш священник приходской, отец Власий, явился к нему в избу и говорит: «Что с горестью на двоих пьешь? Встань и иди со мною». Тот встал и пошел до машины Андрюхи, зятя своего. Вдвоем они увезли его в монастырь. С тех пор больше не видали его в Малых Удах ни разу.

– А что за монастырь?

– Дионисийская обитель, в лесу, в нашем районе. Знаете такую?

– Слышал, – директор «Верочки» отчего-то нахмурился. – Власий ваш из той же обители?

– Из той же. И он, и отец Фалалей, который до него был.

– И что Власий про соседей ваших чудных говорит?

– Говорит, что христиане они такие же, как и мы, только обряд другой: без священников да без икон, и Господу не в храме, а в своих домах молятся. Только неправда это. Андрюха Евстафьев, зять дяди Саши, на пристань к ним в Ящеры лазил в январе, после того как Юрка мой пропал...

– Тоже ящериц видел?

– Не видел. Но молитву слышал. На службу, считай, к ним попал, или как ее назвать. Слов не расслышал через бревна, но точно, говорит, не по-православному молятся, и скорее не молитва это даже, а заклинание. Под гусли ее пели. Собрался в прокуратуру на них заявление подавать, да я его отговорила. Не будет толку.

– Верно отговорила, Елена, – похвалил святой отец. – Про что он писать собрался? Про то, что молятся соседи не по канону? Так ведь не при царском режиме, слава Богу, живем. Кладбище у них тоже, наверное, отдельное?

– На юге области где-то около Невеля. Но это по их словам. А раз дед Федор Ларин, царство ему небесное, видел, как ночью они возле островка нашего, который на излучине, большой мешок в воду бросали. А на следующий день узнали, что старейшина ихний Михалап помер. Об утопленниках, кстати, – вспомнила Алена, – на той неделе принесло из Ящеров

одного с пробитой черепушкой. Сбежать, видно, от них пытался. Полицейские приезжали и сказали, что месяц он у них в уголовном розыске числился. А тут здрасте, выплыл целехонький, и рыбами не объеден.

Александр указал на место перед компьютером:

– Садись, голубушка, к брату Нектарию, он у нас за делопроизводство отвечает.

Алена послушно уселась. Еще с минуту директор фонда постоял за ее спиной, и направился в храм с тем же сосредоточенным выражением на лице. Названный Нектарий улыбнулся ей и показал мелкие редкие зубы, похожие на белые речные камешки. Голос у него был под стать росточку: почти детский, но с приятной хрипотцой:

– Паспортные данные понадобятся по вам и по деткам.

Алена полезла в сумку за прозрачной папочкой, в которую были сложены документы для собеса.

В притворе напротив «Верочкиного» офиса была открыта церковная лавка. Пока Нектарий переписывал, что нужно, с ее паспорта, и потом с детских свидетельств о рождении, Алена от нечего делать подглядывала за продавщицей. В косыночке, возраста непонятно какого, улыбается сама себе по-блажному. Она даже мысленно попеняла на начальника, который доверил эдакой дурочке работать с деньгами. Но когда одетая по-городскому старушка подошла подать две пометки за упокой, Алена забрала свои мысли обратно. *Дурочка* не только бойко отсчитала сдачу с красной пятисотенной, но и до кошелька не дала бабке ее донести: уговорила какую-то икону купить за триста рублей, если Алена расслышала правильно.

Тамара Петровна Давыдова стояла на четвереньках перед открытым трельяжем и листала фотоальбом в коричневом переплете с въевшейся пылью. С ее слов полицейские знали, что полжизни она отработала завучем в псковской школе, и перед тем, как уйти на пенсию, на несколько лет заняла пост директора. Ее сын Михаил Львович Давыдов пошел по стопам матери: до нынешней ночи, когда пропал без вести, преподавал математику в Тямшанской общеобразовательной школе №1 им. князя Александра Невского.

– Вот эта, я думаю, последняя, – она обратила к Сабанееву незаплаканное, привыкшее быть строгим лицо в очках с траурно-черной оправой и протянула групповой снимок.

Класс на фотографии – раза в два меньше, чем был у Ивана в завеличенской школе, всего человек пятнадцать. Классрук в коричневом пиджаке стоит не в середине, а чуть левее, между двух рослых девчонок с прическами, и с доброй, растерянной улыбкой глядит в объектив.

– А покрупнее нету?

– Только старые.

Сабанеев повертел фотографию в руках, раздумывая, возвращать ее или нет.

– Я на компьютере у себя посмотрю. На Новый год в школе фотографировались.

Лейтенант обернулся к дивану, где сидели двое мужчин похмельного вида. Обоим, как и пропавшему учителю, было чуть за сорок. Голос принадлежал тому из двоих, который был с лысиной, а сложением – пониже и покоренастей. Одет он был в огородные джинсы и футболку с застиранным принтом английской рок-группы из 70-х.

– Вы его последним видели?

– Я, – подтвердил он.

– В каком часу?

– Ночью, не помню точно. После того, как в актовом зале мероприятия закончились, мы уже взрослым составом собрались, чтобы День Победы отметить. Павел Петрович первым ушел. А мы с Михал Львовичем еще посидеть остались. Час был, может, два, когда разошлись. На мобильник не посмотрел.

– У жены его лучше спросите! Разве не видите, что он не помнит ничего?! – Мать пропавшего без вести поднялась на ноги и хлопнула дверцей трельяжа, на котором остался лежать

раскрытый альбом. Сабанеев вытянул шею и разглядел под пустым местом на странице снимок форматом поменьше: тот же класс в темно-синей форме, но на пару-тройку лет младше: из мальчишек и девчонок не все достают Михаилу Львовичу до плеча.

– Какую вы должность занимаете в школе?

– Завуч, – не без гордости ответил коренастый в дырявой футболке. – Ну и географию с трудами веду. А Павел Петрович – психолог.

Психолог на диване рядом с ним был одет в мятый летний костюм в полоску. Особой приметой служил шрам, которые пересекал щеку и половину лба, и был оставлен, с большой вероятностью, лезвием топора.

– Конфликты у него были с кем-то из соседей или коллег? – Задал вопрос майор Копьев. Он не нашел свободного стула в комнате и устроился на узком деревянном подоконнике.

– Только с директором ругались иногда. Но она ни с кем поладить не может. Старческая деменция.

– Полная клиническая картина, – подтвердил психолог.

Копьев поднялся с подоконника и сделал шаг от окна. Тут же хозяйка бросилась задерживать шторы, хотя на улице и не думало смеркаться. Перед тем, как она щелкнула выключателем и люстра загорелась тоскливым желтым светом, комната на миг погрузилась в полумрак.

Кроме трельяжа с диваном, в помещении уместились еще два шкафа, письменный стол с телевизором и этажерка, из которой торчал сложенный рулоном полосатый матрас. Из-за чрезмерной мебелировки комната, на самом деле стандартных хрущевских габаритов, казалась совсем крохотной.

– А вы про бомжа участковому рассказали? – На диване психолог обернулся к завучу в футболке.

– Про какого бомжа? – Тут же подал голос Копьев.

– Может, и не бомжа, не знаю. Приглашал меня выпить один. Ночью, с 1-е на 2-е мая было. Возле дома моего на улице Святой Ольги это было.

– Показать можете?

– Разумеется.

Педагоги встали с дивана. Полицейские вместе с матерью, которая пошла проводить их, последовали за ними в крохотную прихожую, где пятерым было не развернуться.

Когда в подъезде по лестнице они спустились на один пролет вниз, психолог со шрамом от топора начал свой монолог:

– Тамара Петровна считает, что это мы с Александром Николаевичем ее сына споили. Но мы не виноваты. Я не стал при матери говорить, но он и без нас выпивал. Бывало, и на работе. У Тамары Петровны доминирующий тип личности, а отец, к несчастью, рано умер. Отсюда проблемы у сына. С самого начала его семейной жизни у нее с невесткой начались проблемы в отношениях: Тамара Петровна не готова была делить его с другой женщиной. После того, как у Михаила Львовича родился сын, привычные воспитательные практики она стала использовать в отношении внука. Это усугубило разлад. Михаил Львович не мог возразить, мать для него оставалась авторитетом. Итог – развод. После размена они с Тамарой Петровной перебрались в Тямшу, а бывшая жена с сыном – в Москву. До города на автобусе на работу не наездишься, а машины не было, и купить не на что – после развода и так в долгах остался. Устроился на ставку здесь, в Тямше. В Пскове он был директором экономической гимназии, а тут – простой учитель математики. Школа обычная, среднеобразовательная, без уклонов. Снижение социального статуса повлекло снижение самооценки. Вдобавок кризис среднего возраста: тотальная смысловая девальвация, опустошенность – это обычный фон для развития алкогольной зависимости. Своего сына Михаил Львович видел не чаще, чем раз в год, и всю душу вкладывал в классное руководство. Только благодаря работе на плаву кое-как держался. Мать своими методами пыталась бороться с его алкоголизмом, но делала только хуже.

Копьев и Сабанеев слушали его, не перебивая. На улице мужчины вчетвером миновали школу, школьный стадион и повернули в частный сектор. Изогнутая дугой улица Святой Ольги выходила на деревенское поле. На горизонте за полем чернел лес.

Огород психолога с двумя теплицами был предпоследним от края села. Посреди участка из густой поросли девичьего винограда выглядывал зеленый дом в один этаж. Когда компания приблизилась, в ячейку изгороди просунул нос пес, похожий на лайку, с пушистым, закрученным в тугое кольцо хвостом.

Психолог остановился, не доходя до калитки:

– Первомай мы отмечали втроем у Александра Николаевича, на Зеленой, 9А, – завуч кивком подтвердил сказанное. – Михаил Львович у него ночевать остался, а я домой пошел, да не дошел немного: закемарил у забора, – рассказчик махнул рукой в сторону железной сетки, за которой пес наклонил голову набок и с любопытством глядел на чужаков. – Проснулся от того, что кто-то меня толкает. Смотрю, человек надо мной стоит. На вид не то, чтоб бродяга, но одет так себе, какой-то весь неухоженный. «Не спи, – пихает меня, – замерзнешь». Помог подняться. Я смотрю снова: не из наших точно. Сам он пьяненький был, но, может, и прикидывался. «Как звать тебя?» – Спрашивает. «Павлом», – отвечаю. «Ну а я – Петр». С Первомаем поздравил. «Согреться, – говорит, – тебе сейчас надо скорее, а то пневмонию, не приведи Господь, заработаешь. Пойдем, налью строгамминочку». Ночь и правда холодная была, но я отказался, неладное почуял. «Нет, – говорю, – извини. Спешу, дела у меня». «Ну Христос с тобою», – отвечает и по улице обратно в сторону школы пошел.

– А куда приглашал, не сказал?

– Не сказал.

– Возраст?

– Нестарый по голосу. Он вообще в капюшоне был, а я не разглядывал особо. Бороденка мне только запомнилась: плешивая и цвета такого, с зеленцой, как будто ненастоящая.

Завуч, который стоял рядом, щелчком сбил со щеки комара:

– Может, и правда фальшивая?

– Может, – сказал Иван Сабанеев.

Напротив хозяйства психолога через узенькую улочку Святой Ольги зеленела картофельная посадка, у дороги запорошенная пылью. Где-то ревела бензокоса. Ветер доносил аромат первого весеннего покоса.

– Машины не заметили?

– Белой «Газели»? Не видел.

– Почему именно?..

– Потому, – в разговор вмешался завуч. – Перед Михаилом Львовичем был наш школьный сантехник Виктор Иванович, в 90-е – Хороводько, Толик, – начал он загибать пальцы, – Кротов в 89-м, до него – Королев, Лапушкин. Всего шесть человек, кого только я помню. И участкового нашего прежнего так и не нашли, кто зарезал.

Иван Сабанеев перевел вопросительный взгляд на майора:

– Мельниченко, на здешнем участке работал, – объяснил тот. – Осенью 94-го был убит вместе с супругой в постели. Множественные колото-резаные. Среди ночи ворвалось в дом несколько человек. Собаки у них не было.

– За полгода до его убийства Толик потерялся, мужичок здешний, немного с простинкой, – снова заговорил завуч. – В Пскове до деревенского дурачка никому не было дела, а Мельниченко не мог успокоиться. Копал. И всё больше в сторону Ящеров. За день до того, как его зарезали, он на физкультуру в спортзал приходил детей опрашивать. Староверы у нас в Тямше учились, пока году в 2012-м их на домашнее обучение не перевели.

– А повод какой-то для перевода был?

– Был, – завуч согласно кивнул головой на крепкой короткой шее, – Их тогда двое из Ящеров оставалось: Богуслав Родич и Богдан Асич. Божику лет двенадцать было, а Богдан во второй класс ходил. Еще в наше время старoverы особняком в школе держались, да и к ним никто не лез, даже побаивались что ли. Так и с младшим поколением было. Но тут неожиданно Божик с одним мальчишкой задружился: семья многодетная, неблагополучная, из города к нам переехали. Дошло до того, что он этого Вадика – так мальчишку звали – в гости пригласил. На школьном автобусе вместе доехали. На дворе у себя он предложил ему в прятки сыграть, и, когда Вадик в сарай запрятался, Божик его там закрыл и не выпускал, пока отец с рыбалки не вернулся. Вадик матери всё рассказал, та пришла жаловаться. Родичей к директору вызвали, тогда на месте нынешней нашей ведьмы еще Любовь Ивановна покойная сидела, очень хорошая женщина. Святovit, отец Божика, перед матерью извинился, рыбы в подарок принес. С ее стороны – никаких претензий ни к Родичам, ни к школе. Но на следующей неделе родители из Ящеров вместе на своей «Газели» приехали и заявления написали на перевод на домашнее обучение. Директриса Любовь Ивановна отговаривала, но они и объяснять ничего не стали.

Дверь избы широко распахнулась. Долговязый белоbрысый мужичок в спортивных штанах и майке вывалился на крыльцо. Изнутри доносилась громкая музыка. Визгливый женский голос пытался перекричать певца:

А за окошком месяц май, месяц май, месяц май.
А в белой кружке черный чай, черный чай...

Двое священников и монах стояли у покосившегося забора и наблюдали за пьяным.
– Христовичи здесь у нас обитают: Валерий и Ирина, а с ними баба Маша, Валерия мать. Небогатые, – Власий обернулся к отцу Александру.
– Детки есть у них?
– Двое сыновей, взрослые. Один – в армии, другой – в тюрьме, ежель еще не выпустили.

Она не хочет, вот беда, выходить за него,
А он мужчина хоть куда, он служил в ПВО.

Христович спустился с крыльца и на негнущихся ногах-ходулях прошлепал в сторону забора, за которым не заметил троих лиц духовного звания. Перед клумбой с желтыми ромашками он остановился лицом к ним и одной рукой приспустил штаны по малой нужде. Отец Александр брезгливо отвернулся:

– Не пойму, в каком часу надо за стол сесть, чтобы к одиннадцати утра в столь безобразном виде быть?

– С вечера еще гудят. К ним родственники из Пскова на майские приехали погостить, – Власий указал на зеленые «Жигули» у забора с многочисленными ржавыми пробоинами.

Как ни отговаривал ее отец Власий, но Алена поехала подавать заявку в «Верочку». Андрюхе об этом проболталась, а он уж на исповеди ему донес. Власий ожидал городских со дня на день, но не думал, что в воскресенье они приедут, да еще и на службу заявятся.

Зимой по воскресеньям в церкви, бывало, что и два, и три человека из деревенских зараз соберутся, а нынче – кто на огороде, кто на реке. Когда двое в черных рясах вошли в храм, где не было никого, кроме самого настоятеля, он пел первую Кафизму, от неожиданности сбился, перевернул страницу назад и начал сначала.

С утра голова гудела как благовест, и браги налить было некому: хозяйка поехала в Крюки с Никиткой непутевого зятя в колонии навестить. В том, что остался он непохмеленным, Власий теперь видел Господень промысел. Не то, чтоб боялся он этого городского Александра,

равного с ним по чину иерея, но и лишних пересудов в епархии не хотелось: в последние годы архиереи стали за здоровый образ жизни хуже комсомольцев ратовать. Недолго час, вино на причастии клюквенным морсом заменят.

Директор «Верочки» был при полном своем облачении, как будто не по делам приехал к ним в Малые Уды, а вместо Власия в храме заутреню петь. Сельский батюшка робел и мысленно ругал себя за то, что не отдал, как собирался на днях, свою летнюю рясу Валентине Ерофеевне на починку.

Помощник Александра, монах Нектарий, был ростом чуть выше лилипута, и с лица – немного юродивый. Во время заутрени он крестился более истово, чем его начальник. Как обычно с юрдами, возраст нельзя было определить на глаз. Можно и двадцать дать, а можно и весь полтинник.

После службы Александр попросил проводить их до Алениного дома, и по пути всё задавал вопросы: и не столько про Алену, сколько про сами Малые Уды. *Давно ли деревня стоит на реке?.. И сколько храму лет?.. Да отчего такое название двусмысленное?..* Юрод всю дорогу слушал их с Александром разговор и молчал.

К хозяйству Христовичей примыкал выморочный двор стариков Токаревых. Дальше стоял без забора еще один заброшенный дом, каким-то чудом сохранивший все окна, кроме чердачного. В шифере как пролом от снаряда чернела круглая дыра.

– Нечаевы здесь жили. Сразу как совхоз распустили, в Псков уехали. Долго, говорят, изба на продаже стояла, да не нужна никому была. В те годы все из деревни в город ехали, обратно – никто. Так и бросили избу. Живы, нет ли, один Бог ведает. Тут Комаровы, померли оба, – они поравнялись уже со следующим домом. – А напротив – Волкова Тамара Михална, вдова, в прошлую осень от ковида померла.

Летом накануне, когда мать еще и не думала помирать, сын приезжал к ней из города покрасить забор. За ярко-салатовой изгородью опрятный домик с занавесками на окнах стоял как жилой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.